

А. Галкинъ.

АКАДЕМІЯ ВЪ МОСКВѢ

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №. Пименовская ул., соб. д.

1913.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Общій взглядъ на просвѣщеніе Московской Руси XV—XVII ст.

Печальное состояніе просвѣщенія въ разсматриваемый періодъ. — Оживленіе просвѣдательныхъ стремленій въ концѣ XVI и въ XVII в.—Сознаніе необходимости школы.—Вліяніе Востока и Запада 5—26

II. Борьба двухъ міровоззрѣній за направленіе высшей школы.

Е. Славинецкій и С. Полоцкій, какъ представители греческой и латинской партій. — Полемика ихъ учениковъ. — „Доводъ вкратцѣ“...—Разсужденіе: „Учитися ли намъ“... Академическая Привилегія. — Типографская школа.—Школа Медвѣдева и его неудачныя хлопоты объ утвержденіи Привилегіи.—Побѣда греческой партіи надъ „латынниками“ 27—59

III. Академія при Лихудахъ (1687—1694).

Биографія Лихудовъ.—Вызовъ и прибытіе ихъ въ Москву.—Богоявленская школа.—Открытіе Академіи въ 1687 г.—Учащіеся въ Академіи, ихъ число и составъ.—Дѣленіе на классы.—Составъ учебнаго курса.—Учебники.—Библиотека. — Школьные обычаи и порядки.—Матеріальныя средства Академіи 60—86

IV. Академія при преемникахъ Лихудовъ (1694—1699).

Отставка Лихудовъ.—Ихъ преемники въ Академіи: Федоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ Головинъ и Чудовскій монахъ Іовъ.—Упадокъ Академіи.—Заключеніе . 87—96

Библиографія 96—97

I. Общій взглядъ на просвѣщеніе Московской Руси XV—XVII ст.

Печальное состояніе просвѣщенія въ разсматриваемый періодъ. — Оживленіе просвѣдательныхъ стремленій въ концѣ XVI и въ XVII в. — Сознаніе необходимости школы. — Вліяніе Востока и Запада.

Въ настоящее время можно считать достаточно выясненнымъ вопросъ о состояніи просвѣщенія на Руси въ періодъ, предшествовавшій открытію Московской академіи. По мнѣнію большинства изслѣдователей, XV—XVII вв. представляютъ собой одну изъ наиболѣ темныхъ страницъ въ исторіи русской культуры. Даже лица, придерживающіяся оптимистическаго взгляда на образованность древней Руси, признають, что въ то время у насъ не было никакихъ школъ; для русскаго человѣка того времени не существовало никакой, сколько-нибудь цѣльной, правильной системы образованія ¹⁾. Не говоря

¹⁾ Проф. Соболевскій, „Образованность Московской Руси 15—17 ст.“ (Отчетъ Пб. унив. 1891 г.). Авторъ этого мнѣнія высказывается, однако, за то, что, несмотря на отсутствіе организованныхъ школъ, элементарная грамотность (умѣнье читать и писать) была распространена довольно широко во всѣхъ слояхъ русскаго общества 16—17 ст. Процентъ грамотныхъ, по изслѣдованіямъ Соболевскаго, былъ, приблизительно, таковъ: духовенство бѣлое—100%; черное 70—75%; дворянство 55—80%; купечество 75—90%; посадскіе 16—43%; крестьяне—15%; стрѣльцы, пушкари и казаки—2%. Намъ, однако, кажется, что эти статистическія данныя носятъ совершенно случайный характеръ, а потому едва-ли соотвѣтствуютъ дѣйстви-

уже о простомъ народѣ, тогда перѣдко можно было встрѣтить неграмотныхъ даже въ средѣ высшей аристократіи. Извѣстно, напр., что великій князь московскій Василій II (1425—1462 г.) не умѣлъ писать. Въ одной грамотѣ 1565 года значится такая приписка: «А которые князья и дѣти боярскія въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, а тѣ князья и дѣти боярскія грамотѣ не умѣютъ» ¹⁾. То же самое видимъ и въ XVII вѣкѣ. Котошихинъ, описывая боярскую думу, между прочимъ, говоритъ: «А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что Царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные» ²⁾. Само духовенство, на которомъ лежала обязанность руководить народнымъ образованіемъ, мало чѣмъ отличалось отъ титулованныхъ невѣждъ. «Епископы русскіе—люди некнижные», увѣрялъ папу Евгенія на Флорентійскомъ соборѣ московскій митрополитъ Исидоръ. Характеристику же низшаго духовенства даетъ Стоглавый соборъ (1551 г.). Онъ съ горечью констатируетъ, что, вопреки священнымъ правиламъ, приходится посвящать въ попы неграмотныхъ,—въ противномъ случаѣ, святыя церкви будутъ стоять безъ пѣнія, и христіане будутъ умирать безъ покаянія.

тельности. Дѣло въ томъ, что проф. Соболевскій, въ своихъ вычисленияхъ, пользовался „рукоприкладствами“ на разнаго рода документахъ. Но „рукоприкладства“ могутъ служить показателемъ процента грамотности не цѣлаго сословія или класса, а лишь той группы лицъ, отъ имени которой составленъ документъ. (См. нашу брошюру: „О причинахъ происхожденія раскола въ русской церкви“, Хар. 1910, стр. 16.)

¹⁾ Пыпинъ, „Истор. рус. лит.“, I, стр. 248.

²⁾ „О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича“, гл. II. („Рус. класс. библ.“ подъ ред. Чудинова, Спб., 1891, вып. IV, стр. 19.)

При низкомъ уровнѣ образованія привилегированныхъ классовъ, т.-е. высшаго дворянства и духовенства, о народной массѣ и говорить нечего. Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI и XVII ст., въ своихъ запискахъ отмѣчаютъ почти поголовное безграмотство ¹⁾. Если среди русскихъ и встрѣчались немногіе грамотѣи, то ихъ грамотность не шла дальше умѣнья читать и писать. Въ началѣ XVII вѣка одинъ изъ книжныхъ справщиковъ, старецъ Арсеній Глухой, такъ характеризуетъ этихъ грамотѣевъ-начетчиковъ: «Они едва азбуку умѣютъ, а того навѣрное не знаютъ, какія въ азбукѣ буквы гласныя и согласныя; а о частяхъ рѣчи, залогахъ, числахъ, временахъ и лицахъ—то даже имъ и на разумъ не вскаживало, священная же философія и въ рукахъ не бывала» ²⁾. Но огромной массѣ русскаго народа была недоступна даже и такая «ученость». Извѣстенъ, напр.,

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ иностранцевъ. Въ 70-хъ годахъ XVI ст. *Добницелъ* пишетъ: „во всей Москвѣ нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того что учатся въ монастыряхъ, а потому изъ тысячи едва наберется одинъ, умѣющій читать или писать“. По словамъ *Флетчера* (1588 г.), „русскій народъ не отличается ни въ какомъ ремеслѣ и еще меньше въ наукахъ и литературѣ, отъ которыхъ его удаляютъ съ намѣреніемъ... Они выучиваются только читать и писать, и это очень рѣдко“. *Маржеретъ* (1600—1606) говоритъ: „народъ русскій не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и писъму, чѣмъ немногіе, впрочемъ, занимаются“. *Оларій* (1630—1640) рассказываетъ: „русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ и не имѣютъ охоты заниматься ими... Они остаются необразованными и грубыми“. *Майерберъ* считаетъ безграмотство почти поголовнымъ: „такъ-какъ москвитяне лишены всякой науки, то можно сказать, что они всѣ какъ будто одного возраста“. (Пыпинъ, „Истор. русс. лит.“, I; Мирковичъ, „О школахъ и просвѣщ. въ патріаршіи періодъ“, Ж. М. Н. П., 1878, іюль.)

²⁾ Горскій, „О дух. учил. въ Москвѣ въ 17 в.“ Приб. къ тв. св. от., 1845, III, стр. 152.

слѣдующій, довольно характерный, фактъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ Россіи, спросилъ какъ-то у русскаго: «Отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ ни «Отче нашъ» ни «Богородицы»? Въ отвѣтъ онъ услышалъ, что «это—очень высокая наука, годная только для царей да патріарха и, вообще, для господъ и для духовенства, а не для простыхъ мужиковъ». Можно судить, насколько образована была народная масса, если знаніе «Богородицы» считалось уже «высокой наукой»!

При такомъ невѣжествѣ въ русскомъ обществѣ, естественно, установилось подозрительное и пренебрежительное отношеніе къ наукѣ. Наука считалась вредной и несовмѣстимой съ православіемъ: она порождала ереси, являлась причиной сатанинской гордости, сводила съ ума и т. п. «Богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ, любяй геометрію,—читаемъ въ одномъ древне-русскомъ поученіи,—а се душевнѣи грѣси учитися астрономіи и еллинскимъ книгамъ; проклиная прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобъ впадаетъ въ прелести различныя; любя простѣню паче мудрости, высочайшаго себѣ не изыскауй, глубочайшаго себѣ не испытай, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи» ¹⁾. Подобныя наставленія вносились даже въ школьныя прописи. «Не ищи, человекъ, мудрости,—поучаетъ одна изъ нихъ,—ищи кротости: аще обрящещи кротость, то и одолѣешь мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ, а тотъ мудръ, кто много добра творить». «Аще кто тя спроситъ,—поучаетъ ученика другая пропись,—вѣси-ли всю философію, ты же ему противу того отвѣщай: учился буквамъ, еллин-

¹⁾ Ключевскій, „Западное вліяніе въ Россіи 17 в.“ (Вопр. фил. и психол. 1897, кн. 38, стр. 552.)

скихъ же борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ (!) не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» ¹⁾). Невѣжество не только извинялось, но даже возводилось въ доблесть, становилось предметомъ гордости, своего рода нравственнымъ подвигомъ. «Аще неученъ словомъ, но не разумомъ,—писалъ о себѣ древне-русскій книжникъ,—неученъ диалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имамъ» ²⁾). Это стремленіе имѣть «разумъ Христовъ» и не заботиться о развитіи своего собственнаго породило ту косность умственной жизни, а въ области религіозно-нравственной—то непониманіе духа вѣры, ту страсть къ обрядности и всю ту массу грубыхъ суевѣрій и предрасудковъ, которые являются характерной чертой описываемой эпохи и которые заставляли многихъ иностранцевъ даже сомнѣваться въ принадлежности русскихъ къ христіанству ³⁾).

Безотрадное состояніе просвѣщенія необходимо должно было пробудить въ передовой части русскаго общества сознаніе непригодности прежнихъ началъ жизни, стремленіе къ искорененію невѣжества, стремленіе къ знанію, къ наукѣ. Потребность въ образованіи сказалась очень рано. Еще архіепископъ новгородскій Геннадій (на ру-

¹⁾ Ibid., стр. 552—553.

²⁾ „Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ“, 2-е изд., стр. 22.

³⁾ Въ 1620 году шведскій профессоръ богословія Іоганнъ Ботвидъ защищалъ въ Упсальской академіи диссертацию на тему: „Христіане ли московиты?“ Правда, ученый богословъ, пустивши въ ходъ всѣ ресурсы своей науки, послѣ дѣлаго ряда справокъ и сличеній, рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, но самая возможность такой темы чрезвычайно характерна.

бежѣ XV и XVI вв.) въ посланіи къ митрополиту Симону просилъ его «печаловаться» предъ государемъ, «чтобы велѣлъ училища учинити». Спустя полвѣка, Стоглавый соборъ, констатируя, вмѣстѣ съ царемъ, фактъ глубокаго невѣжества русскаго духовенства, постановилъ, чтобы въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всеѣмъ городамъ протопопы и старѣйшіе священники избрали добрыхъ священниковъ и діаконовъ, «гораздивыхъ» въ грамотѣ и пѣніи, и устроили въ ихъ домахъ училища, для того «чтобы священники и діаконы и все православныя христіане въ коемъждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, и церковнаго пѣнія салтычнаго, и пѣнія налойнаго». Самъ Иванъ Грозный, въ тѣхъ же цѣляхъ народнаго просвѣщенія и для облегченія сношеній съ Западомъ, предполагалъ завести въ Москвѣ училища для преподаванія латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Но это благое намѣреніе осталось безъ исполненія. Ничего намъ неизвѣстно и о томъ, насколько успѣшно проводилось въ жизнь постановленіе Стоглаваго собора о школахъ. При преемникѣ Грознаго на необходимость просвѣщенія на Руси неоднократно указывали восточные патріархи. «Составъ училища и поставъ наказателя, чтобы въ нихъ учились еллинской грамотѣ»,—писалъ, между прочимъ, александрійскій патріархъ Сильвестръ царю Ѳедору Ивановичу въ 1585 году. Соборъ восточныхъ патріарховъ, утвердивши у насъ (1593 г.) патріаршество, вмѣнилъ въ обязанность каждому русскому епископу всячески содѣйствовать развитію просвѣщенія въ своей епархіи и оказывать посильную помощь какъ наставникамъ, такъ и ученикамъ. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, въ томъ же 1593 году, отъ себя лично писалъ царю: «Устрой у себя, царь, греческое училище,

какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія». Эти совѣты не могли не оказать вліянія на московское правительство. Борисъ Годуновъ, вступивши на престолъ, задумалъ грандіозный для того времени планъ народнаго образованія: онъ предполагалъ покрыть Россію сѣтью организованныхъ школъ, основать въ Москвѣ университетъ, за неимѣніемъ преподавателей послать въ Англію и Германію наиболѣе способныхъ молодыхъ людей для обученія разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, а пока вызвать въ Москву нѣмецкихъ профессоровъ. Но эти просвѣтительные замыслы встрѣтили сильный протестъ со стороны духовенства. Изъ задуманнаго плана Годунову удалось осуществить только одно—послать (въ 1602 г.) въ Англію и Германію нѣсколькихъ молодыхъ людей, но и они, какъ извѣстно, обратно въ Россію не вернулись.

Послѣ Смутной эпохи, которая яснѣе всего обнаружила всѣ недочеты русской жизни, потребность въ наукѣ и образованіи сказалась съ особенной силой и выразилась въ XVII вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ попытокъ московскаго правительства завести хорошо организованную школу.

Первая попытка въ этомъ родѣ относится къ 1632 году, когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ, чрезъ архимандрита Амфилохія, пріѣзжавшаго въ Москву, просили константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса прислать изъ Греціи подходящаго учителя для московской школы. Патріархъ почему-то не удовлетворилъ этой просьбы. Тѣмъ не менѣе, учитель нашелся въ лицѣ прибывшаго въ Москву протосинкела александрійскаго патріарха, архимандрита Іосифа. По просьбѣ царя и патріарха, онъ остался въ Москвѣ для перевода св. книгъ съ греческаго на славянскій языкъ

и для учительства ¹⁾. Но въ слѣдующемъ году архимандритъ Іосифъ умеръ, едва-ли успѣвши открыть школу. Повидимому, онъ занимался только переводомъ книгъ.

Въ 1645 году мы видимъ вторичную, и такъ же неудачную, попытку открыть въ Москвѣ греческую школу. Поводомъ къ этому послужила челобитная пріѣхавшаго въ Москву палеопатрасскаго митрополита Теофана, въ которой онъ, между прочимъ, писалъ царю Алексѣю Михайловичу: «Да повелиши быть греческой печати и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія греческаго языку ꙗко русскому». Получивъ согласіе московскаго правительства, Теофанъ въ слѣдующемъ году прислалъ и учителя для школы. Это былъ нѣкто Венедиктъ, «великій архимандритъ и учитель и богословъ великой церкви константинопольской», какъ онъ самъ себя титуловалъ. Вскорѣ, однако, «великій архимандритъ» обнаружилъ такія непривлекательныя черты своей «дѣятельности», что въ Москвѣ поспѣшили отказаться отъ его услугъ. Вся его просвѣтительная работа ограничилась переводомъ «Книги объ Индійскомъ царствѣ» ²⁾.

Вмѣсто высланнаго Венедикта, московскій патріархъ

¹⁾ Въ грамотѣ царя и патріарха на имя Іосифа сказано; „Прото-сигелу архимандриту Іосифу, будучи въ нашемъ государствѣ, намъ служить... духовными дѣлы, переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учить на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотъ“. (Каптеревъ, „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку“, стр. 482.)

²⁾ Венедикту пришлось фигурировать въ довольно скандальномъ процессѣ. Оказалось, что онъ, сговорившись съ митрополитами варвскимъ и силестрійскомъ и архіепископомъ эласонскимъ, которые тоже были въ Москвѣ, намѣревался ограбить восточную миссію, прибывшую въ Москву за милостыней. На ряду съ этимъ, Венедиктъ былъ обвиненъ въ подлогѣ—въ поддѣлкѣ подписи александрийскаго патріарха.

Иосифъ поручилъ греку Ивану Петрову приискать на Востокѣ другого, болѣе подходящаго учителя. Иванъ Петровъ исполнилъ порученіе, и въ 1649 г., будучи уже въ Москвѣ, доносилъ патриарху: «Даю вѣдомость о нѣ-которомъ учителѣ, смышленномъ еллинскому языку и разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелетій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣ-тается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ». Од-нако, Мелетій Сирихъ почему-то не явился въ Москву.

Вмѣсто него, въ январѣ 1649 года, прибылъ въ Мо-скву (въ свитѣ іерусалимскаго патриарха Паисія) «ди-даскаль», старецъ Арсеній Грекъ. По просьбѣ москов-скаго патриарха, этотъ «дидаскаль» и остался въ Мо-сквѣ «для риторическаго ученія». Но сомнительно, бы-ла-ли имъ открыта школа. Дѣло въ томъ, что патриархъ Паисій, возвращаясь на родину, съ дороги неожиданно послалъ московскому правительству доносъ на Арсенія Грека, обвиняя его въ вѣроотступничествѣ ¹⁾: Благо-даря этому доносу, Арсеній, чрезъ 1¹/₂ мѣсяца послѣ отъѣзда патриарха Паисія, вмѣсто школы попалъ подъ строгій началъ въ Соловецкій монастырь «для испра-вления православныя христіанскія вѣры». Правда, па-триархъ Никонъ скоро вызвалъ его оттуда и даже на-

¹⁾ Патр. Паисій, между прочимъ, писалъ: „Буди вѣдомо, благо-честивый царю, про Арсенія, который остался въ царствіи вашемъ, да расспросите его добре, понеже онъ не утверждёнъ въ вѣрѣ своей благочестивой христіанской; а онъ былъ прежде инокъ и священ-никъ и шедъ бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и бысть у нихъ учинился уніятъ и имѣеть на себѣ великое злое бездѣліе, и расспросите его добре и будете обрѣсти вся... Не подо-баеть въ нивѣ терну бывать, чтобы не наполнилась нива вся тер-ніемъ, а надобно отженуть такожде и тѣхъ, которые имѣють ересь и есть двоеличны въ вѣрѣ“. (Каптеревъ, „Характ. отнош.“, стр. 208—209.)

значилъ книжнымъ справщикомъ, но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что Арсеній открылъ школу по возвращеніи изъ ссылки. Поэтому, профессоръ Каптеревъ категорически отрицаетъ существованіе школы Арсенія Грека ¹⁾).

Всѣ эти неудачи не остановили дальнѣйшихъ попытокъ русскаго правительства найти на Востокѣ учителя для московской школы. Въ 1653 году, по просьбѣ царя, восточные патріархи прислали въ Москву, въ качествѣ учителя, митрополита Навпакта и Арты, Гавріила Власія. Митрополитъ Гавріилъ удовлетворялъ, повидимому, всѣмъ требованіямъ русскихъ, — тѣмъ не менѣе, московское правительство отослало его обратно. «Можно думать, — говоритъ профессоръ Каптеревъ, — что русскіе не пожелали имѣть у себя такого важнаго и сановитаго человѣка, какимъ былъ Гавріилъ Власій, намѣстникъ двухъ патріарховъ и экзархъ Италіи, котораго сами патріархи просили принять съ особой честью и вниманіемъ, — такой человѣкъ, дѣйствительно, для московской школы былъ уже слишкомъ великъ» ²⁾).

Такимъ образомъ, Россія, попрежнему, осталась безъ школы, что было особенно опасно въ виду начавшихся съ половины XVII ст. церковныхъ волненій. На необ-

¹⁾ Извѣстное свидѣтельство Олеарія о школѣ Арсенія Грека проф. Каптеревъ не считаетъ достовѣрнымъ, въ виду того, что Олеарій въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ въ 1643 году, — слѣдовательно, не могъ видѣть ни Арсенія, ни его школы, а написалъ о ней только на основаніи дошедшихъ до него слуховъ. Слухи эти легко могли возникнуть просто потому, что Арсеній явился въ Москву съ официальнымъ титуломъ „дидакала“ и былъ оставленъ здѣсь, между прочимъ, и для риторическаго ученія, хотя этимъ дѣломъ ему и не пришлось потомъ заняться. („О греко-лат. шк. въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ“, стр. 598—603, въ Приб. къ тв. св. от., т. 44.)

²⁾ „Характ. отнош.“, стр. 492.

ходимость образованія, на усилившуюся потребность въ школѣ теперь греки указывали энергичнѣе и настойчивѣе, чѣмъ когда-либо ¹⁾. Правда, на дѣлѣ они до сихъ поръ ничѣмъ не доказали своей готовности помочь московскому правительству въ его поискахъ за хорошимъ учителемъ, но на словахъ ратовали горячо и убѣдительно. Особенно отличался этимъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ ²⁾. Свои мысли онъ высказалъ въ «Опроверженіи челобитной попа Никиты» (1666 г.). Задаваясь вопросомъ, откуда пошли смуты въ русской церкви, Лигаридъ отвѣчаетъ, что причина ихъ кроется въ отсутствіи народныхъ училищъ и библиотекъ. «Преславный нѣкто воевода Алкивіадъ,—говоритъ Лигаридъ,—отвѣтъ даде древле Аѳиномъ, яко ко благополучно-ратованію три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая—злато, третія—злато. Азъ же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи бы были столпы и завѣсы обою, реклъ быхъ: первіе—училища, второе—училище, третіе—училища пренужна быти». Далѣе Лигаридъ доказываетъ, что школа поднамаеть не только

¹⁾ Въ доказательство того, насколько сильно чувствовалась тогда потребность въ просвѣщеніи, проф. Соболевскій приводит слѣдующія данныя, заимствованныя имъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Московскаго печатнаго двора: въ половинѣ XVII в. азбука въ теченіе четырехъ лѣтъ была отпечатана трижды (1647—1651) въ количествѣ 9.600 экз., учебный часословъ въ теченіе семи лѣтъ—восемь разъ (1645—1652), учебная псалтирь въ теченіе шести лѣтъ—девять разъ (1645—1651). („Образованность Москов. Руси 15--17 в.“, стр. 18.)

²⁾ Называемъ Паисія *митрополитомъ* потому, что онъ вообще извѣстенъ въ русской исторической литературѣ подъ этимъ титуломъ. На самомъ дѣлѣ это былъ оставившій свою епархію и лишенный митрополичьяго сана авантюристъ, который ярибывъ въ Россію искать счастья и, при помощи своей изворотливости и подложныхъ документовъ, сумѣлъ втереться въ довѣріе царя Алексѣя Михайловича.

умственный, но и моральный уровень человѣка, и имѣть громадное жизненно-практическое значеніе, являясь залогомъ народнаго благополучія. Въ виду этого, Лигаридъ обращается къ царю съ совѣтомъ завести училища для изученія трехъ коренныхъ языковъ: «наипаче» греческаго, латинскаго и славянскаго. Наряду съ учрежденіемъ училищъ, Лигаридъ совѣтуетъ позаботиться и объ устройствѣ хорошихъ библиотекъ. «Поистинѣ въ книгохранительницахъ бесѣдуютъ усопшихъ души безсмертныя,—говоритъ онъ,—и никакая книга толико зла непщевательна есть, воеже бы отъ нѣкоея части не имѣла читателя пользоваться». Что касается расходовъ по устройству и содержанію школъ и библиотекъ, то ихъ, по совѣту Лигарида, слѣдуетъ отнести на счетъ епархіальныхъ и монастырскихъ суммъ.

Необходимость школъ и просвѣщенія на Руси Лигаридъ доказываетъ и въ своемъ «Поученіи на Рождество Христово», которое онъ составилъ по порученію восточныхъ патріарховъ Паисія и Макарія, и которое было произнесено отъ ихъ имени архіепископомъ рязанскимъ Иллариономъ въ 1666 году. Укоривши русскихъ за пренебреженіе къ наукѣ и греческому языку, указавши на примѣръ западныхъ народовъ и даже «полудикихъ» арабовъ, которые всѣ считаютъ греческій языкъ за «корень премудрости», Лигаридъ обращается къ царю съ такимъ совѣтомъ: «Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ училища тако греческая, яко словесная и иная назидати, спудеевъ милостію си и благодатію умножати, учителя благоискусные възскати, всѣхъ же честъми на трудолюбіе поощрати: абіе узриши многія ученія тцатели, а въ малѣ времени приемлеши, дасть Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмянъ».

Съ дѣлью воздѣйствовать на царя Алексѣя Михайло-

вича, составлено было Лигаридомъ (тоже отъ имени восточныхъ патріарховъ) и другое его «Поученіе, или увѣщательная бесѣда» на Рождество Христово. Въ этой бесѣдѣ, въ качествѣ новаго аргумента, Лигаридъ проводитъ мысль о просвѣтительной миссіи русской церкви на православномъ Востокѣ. Какъ извѣстно, послѣ взятія Константинополя турками, просвѣщеніе на Востокѣ пало. Правда, греки тратили большія средства на поддержаніе училищъ, но эти средства шли не столько на учителей и учащихся, сколько «на загражденіе ненавистныхъ гортаней нечестивыхъ, хотящихъ, да мы вси слѣпи будемъ и да не вѣмы писанія искусствомъ». Въ виду этого, Лигаридъ высказываетъ пожеланіе, чтобы Москва была просвѣтительнымъ центромъ не только для Россіи, но и для грековъ: «такъ, воеже бы греческимъ юношамъ отовсюду сѣмо пришествовати во царствующій градъ Москву ради чтенія и разума пристяжанія».

Однако, всѣ эти наставленія, всѣ краснорѣчивыя поученія и проповѣди не измѣняли положенія вещей. Русскимъ нужны были хорошіе учителя, они требовали у грековъ людей дѣла, но греки далѣе словъ не шли, и Москва, попрежнему, оставалась безъ школы ¹⁾.

¹⁾ Сохранилось извѣстіе, что въ 1668 году прихожане церкви Св. І. Богослова изъ Москвѣ подали царю челобитную о дозволеніи учредить въ ихъ приходѣ славяно-греческую школу. Царь и патріархъ отнеслись къ челобитной сочувственно, а восточные патріархи даже выдали имъ разрѣшительныя прамоты „на созиданіе училищъ и въ нихъ устроеніе ученія по закону православно-каеолической церкви во славу Божию различными діалекты: греческимъ, словенскимъ и латинскимъ“. Но и на этотъ разъ благое намѣреніе, повидимому, не привело къ желаннымъ результатамъ. „Относительно школы при церкви Св. Іоанна Богослова,—говоритъ профессоръ Каптеревъ,—всѣ ученые согласны въ томъ, что остается совсѣмъ неизвѣстнымъ, была ли дѣйствительно открыта эта предполагавшаяся школа“.

Неудачные поиски учителей на Востокѣ имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что русскіе, разочаровавшись въ грекахъ, въ ихъ пригодности къ роли просвѣтителей, обратились къ содѣйствію представителей западнаго образованія.

Мы видѣли, что еще Иванъ Грозный, а за нимъ Борисъ Годуновъ не прочь были познакомить Россію съ западной наукой. Съ своей стороны, и западные народы, замѣтивъ пробудившееся въ русскихъ стремленіе къ образованію, охотно пошли навстрѣчу этому стремленію, конечно, далеко не изъ-за безкорыстныхъ побужденій: ихъ соблазняла возможность, путемъ школы, болѣе или менѣе успѣшно пропагандировать среди русскихъ свои вѣроисповѣдныя идеи. Такъ, въ 1582 году папскій нунцій, Антоній Поссевинъ, предлагалъ Грозному устроить въ Римѣ православную семинарію для русскаго юношества. Грозный понялъ, къ чему клонилось это предложеніе, и уклончиво отвѣтилъ, что въ Россіи трудно набрать людей, годныхъ для обученія въ заграничной школѣ. Въ 1600 году польскій король Сигизмундъ III, подъ вліяніемъ іезуитовъ, просилъ у Годунова позволенія построить въ главнѣйшихъ городахъ Россіи костелы для поляковъ, и при костелахъ завести училища для русскихъ. Но и на этотъ разъ старанія іезуитовъ оказались безуспѣшными. Годуновъ, какъ мы знаемъ, въ дѣлѣ распространенія образованія на Руси думалъ придерживаться своего собственнаго плана. Тяготѣніе русскихъ къ западной культурѣ особенно усиливается послѣ Смутаго времени. «Тяжелое испытаніе, которое пережила Московская Русь въ то время,—говоритъ Соловьевъ,—подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то,

чѣмъ они явились сильнѣе. Сильнѣе западные народы явились своимъ знаніемъ и искусствомъ, и, поѣтому, надобно было у нихъ выучиться» ¹⁾).

Такимъ образомъ, русское общество пришло къ сознанію необходимости культурныхъ заимствованій съ Запада. Самый вопросъ о возможности, о допустимости этихъ заимствованій съ точки зрѣнія религіозно-нравственной былъ рѣшенъ тоже въ утвердительномъ смыслѣ. Практически-полезные плоды западной культуры, коль скоро они не влекли за собой заимствованія идей, были признаны безвредными для чистоты православія. И вотъ, московское правительство начинаетъ приглашать на Русь иностранцевъ—ратныхъ, мастеровыхъ и промышленныхъ людей. Въ самой Москвѣ появляются цѣлыя нѣмецкія слободы; иностранные купцы и капиталисты получаютъ торговыя льготы и разныя концессіи на устройство заводовъ; нанимаются иноземные офицеры для обученія русскихъ войскъ иноземному строю и «огненному бою». Наряду съ этимъ, русское общество начинаетъ заимствовать и западно-европейскій комфортъ, житейскія удобства, увеселенія и проч. Все это мало-помалу уничтожало то предубѣжденіе, которое русскіе питали противъ западной цивилизаціи, подготовляло почву для дальнѣйшаго, болѣе сильнаго культурнаго вліянія Запада, наконецъ, пріучало къ мысли о возможности пригласить въ Москву для просвѣтительной дѣятельности представителей западной науки.

Разумѣется, первыми проводниками западно-европейской науки на русской почвѣ должны были быть близкіе намъ и родственные по вѣрѣ южно-русскіе ученые, получившіе образованіе въ западныхъ школахъ.

¹⁾ „Исторія Россіи“, 2-е изд., т. XIII, стр. 734.

Первоначально южно-русские ученые, в глазах большинства московского общества, пользовались почти такой же дурной репутацией, как и еретической Западъ. Какъ известно, въ концѣ XVI вѣка въ южно-русской церкви произошла унія. Если теперь мы смотримъ на это событіе какъ на замаскированную попытку со стороны Рима совратить православныхъ южной Руси въ католичество, то тѣмъ болѣе это такъ казалось московскимъ ревнителямъ православія. Отсюда, конечно, понятно и недобъріе къ Кіеву. Ужъ слишкомъ близокъ онъ къ католической Польшѣ! Ужъ слишкомъ много туда идетъ изъ еретическихъ странъ различныхъ литературныхъ и культурныхъ вѣяній! Недаромъ, патріархъ Филаретъ, возвратившись изъ польскаго плѣна, на московскомъ соборѣ 1620 года настоялъ на томъ, чтобы бѣлоруссовъ, какъ обливанцевъ, принимали въ православіе подъ условіемъ вторичнаго крещенія; недаромъ катихизисъ Лаврентія Зизанія не былъ пущенъ въ обращеніе въ Московской Руси главнымъ образомъ потому, что авторомъ его былъ южно-русскій ученый ¹⁾).

Но уже самый фактъ примѣненія московскимъ правительствомъ репрессивныхъ мѣръ къ кіевскимъ ученымъ и ихъ книгамъ показываетъ, что культурное вліяніе Кіева стало замѣтно просачиваться въ московскую

1) Недовѣрчивое отношеніе русскихъ къ Кіеву усиливалось благодаря соблазнительному поведенію нѣкоторыхъ южно-русскихъ выходцевъ въ Москвѣ. Съ однимъ изъ такихъ выходцевъ, скомпроментировавшихъ себя въ глазахъ московскаго общества, знакомитъ насъ „Грамота царя Михаила Феодоровича къ Суздальскому и торусскому архіепископу Іосифу, съ обличеніемъ преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе въ Соловецкій монастырь“. (Напечатана въ прилож. къ труду Каптерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ реформы“.)

жизнь. Иначе и быть не могло. Самый ходъ церковныхъ и политическихъ событій того времени заставлялъ южную Русь искать тѣснаго сближенія съ Москвой. Съ другой стороны, ближайшее ознакомленіе съ положеніемъ южно-русскихъ церковныхъ дѣлъ убѣждало москвичей, что большинство южно-руссовъ, несмотря на унию, въ сущности, оставалось, попрежнему, православнымъ и даже вело энергичную и успѣшную борьбу за православіе. И вотъ мы видимъ, что Кіевъ, особенно послѣ смерти патріарха Филарета, далеко уже не встрѣчаетъ прежняго враждебно-недовѣрчиваго отношенія со стороны лучшихъ представителей московскаго общества; мы видимъ, что мать городовъ русскихъ привлекаетъ къ себѣ взоры московскихъ ревнителей просвѣщенія не только своими святынями, но и недавно открытой тамъ Кіево-Могилянскою академію; мы видимъ, что нѣкоторыя кіевскія книги, правда, послѣ тщательнаго просмотра, перепечатываются въ Москвѣ; мы видимъ, наконецъ, что вслѣдъ за южно-русскими книгами въ Москвѣ появляются и сами кіевскіе ученые.

Еще въ 1640 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила, чрезъ своего намѣстника, Игнатія Оксеновича Старушича, предлагалъ московскому правительству устроить въ Москвѣ монастырь, поселить въ немъ кіевскихъ ученыхъ старцевъ и открыть школу для обученія «дѣтей боярскихъ и простого чину» греческой и славянской грамотѣ. Это предложеніе Могилы, непринятое въ 1640 году, въ концѣ сороковыхъ годовъ было осуществлено царскимъ любимцемъ и извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія, окольничимъ Ѡ. М. Ртищевымъ. Въ двухъ верстахъ отъ Москвы Ртищевъ построилъ Андреевскій монастырь, при которомъ, съ разрѣшенія царя и патріарха, и основалъ ученое братство изъ тридцати кіевскихъ ино-

ковъ, «въ житіи, и чинѣ, и во чтеніи, и пѣніи церковномъ, и келейномъ правилѣ изрядныхъ». Вскорѣ послѣ этого и само правительство рѣшилось вызвать изъ Кіева ученыхъ иноковъ для перевода библии съ греческаго на славянскій языкъ. Съ этой цѣлью въ 1648 году Алексѣй Михайловичъ послалъ къ кіевскимъ церковнымъ властямъ инока Марка, но миссія эта почему-то не увѣнчалась успѣхомъ. 14 мая 1649 г. московскій царь снова обратился къ кіевскому митрополиту и властямъ кіевского братскаго монастыря съ просьбой прислать въ Москву старцевъ: Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. По этой просьбѣ, 12 іюля того же 1649 года, прибыли въ Москву Арсеній Сатановскій и (вмѣсто Дамаскина Птицкаго) Епифаній Славинецкій. Въ концѣ ноября 1650 г., послѣ вторичнаго посольства упомянутаго Марка, прибылъ изъ Кіево-Печерскаго монастыря и Дамаскинъ Птицкій. Вслѣдъ за этими учеными стали приѣзжать въ Москву и другіе кіевляне.

Однако, ни члены Ртищевскаго братства ни Епифаній Славинецкій съ Сатановскимъ и Птицкимъ не имѣли возможности основать въ Москвѣ правильно-организованной школы. Дѣятельность ихъ состояла исключительно въ исправленіи и переводѣ св. книгъ. Конечно, и одно это имѣло уже важное просвѣтительное значеніе. Помимо того, многіе москвичи, вращаясь въ кружкѣ кіевскихъ иноковъ, достигли подъ ихъ руководствомъ обширной учености,—таковы, напр., ученики Славинецкаго, инокъ Евѣимій и іеродіаконъ Дамаскинъ.

Эта первая дружина кіевскихъ ученыхъ состояла изъ людей, вышедшихъ изъ Кіевской Богоявленской школы,—слѣдовательно, она была до-могилинскаго, греческаго направленія въ своемъ образованіи. Вслѣдъ за ними не замедлили явиться въ Москву и питомцы уже пре-

образованной Кіево-Могиліанской коллегіи, т.-е. питомцы школы уже новаго, латинскаго направленія. Самымъ виднымъ представителемъ этого типа южно-русскихъ выходцевъ является Симеонъ Полоцкій.

Въ виду той громадной роли, которую сыгралъ Полоцкій въ исторіи русскаго просвѣщенія второй половины XVII столѣтія, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этой личности.

Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситніановичъ Полоцкій родился въ апрѣлѣ 1629 года въ Бѣлоруссіи. Первоначальная біографія его извѣстна мало. Мы даже не знаемъ его мірскаго имени (Симеономъ онъ названъ при постриженіи въ монашество). Несомнѣнно, однако, что свое образованіе Полоцкій закончилъ въ Кіево-Могиліанской коллегіи ¹⁾, гдѣ въ то время уже вполне господствовала схоластическая система образованія съ ея семью «свободными художествами» ²⁾. 27-ми лѣтъ отъ роду Полоцкій принялъ монашество и былъ назначенъ «дидаскаломъ» Полоцкаго братскаго училища. Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ, проѣздомъ къ рус-

1) Объ этомъ можно судить потому, что Лазарь Барановичъ, бывшій въ 40-хъ годахъ наставникомъ и префектомъ Кіевской коллегіи, въ одномъ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу (1669 г.), называетъ Симеона своимъ ученикомъ.

2) Кругъ знаній, которыя пріобрѣтались въ схоластическихъ школахъ, опредѣленъ слѣдующимъ образомъ въ грамматикѣ, изданной 1591 года учениками Львовской братской школы: „сія (грамматика) есть первая, ключъ отверзаѣя умъ разумѣти писанія; отъ нея же, яко по степенемъ, всю лѣстницу по чину ученій трудолюбивіи достизаютъ діалектики, риторики, мусики, ариметики, геометріи и астрономіи, и сими же седьми, яко же нѣкимъ сосудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи. Разумѣвающе же и врачества, ко благоискусству превосходимъ всесовершеннаго богословія“. (Майковъ, „Очерки изъ русской исторіи литературы 17 и 18 ст.“, стр. 3, пр. 1.)

скому войску, стоявшему подъ Ригой, дважды былъ въ Полоцкѣ, и въ одно изъ этихъ посѣщеній Полоцкій поднесъ ему привѣтственные «Метры». Послѣ взятія Полоцка поляками Симеонъ рѣшился попытать счастья въ Москвѣ, куда и прибылъ въ концѣ 1663 или въ началѣ 1664 года. Вскорѣ онъ нашелъ здѣсь занятіе, соответствовавшее его склонностямъ: по царскому приказу, онъ сталъ обучать «по латынямъ и для грамматическаго ученія» молодыхъ подъячихъ Тайнаго Приказа. Обученіе велось въ Спасскомъ монастырѣ, за Иконнымъ рядомъ, въ квартирѣ Полоцкаго. Кромѣ латинскаго языка, который преподавался по учебнику іезуита Альвареца и былъ здѣсь главнымъ предметомъ, ученики Полоцкаго, повидимому, изучали пѣстику, риторику, и упражнялись въ сочиненіи виршъ и «ораций» ¹⁾. Греческій языкъ,

1) Въ подтвержденіе этого ученые ссылаются на то, что литературныя произведенія ученика Полоцкаго. Сильвестра Медвѣдева, показываютъ въ авторѣ широко образованнаго человѣка. Такъ, его письма и ораціи составлены по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства того времени; онъ знаетъ логику Аристотеля, говорить о четырехъ философскихъ добродѣтеляхъ. Объ умѣньи Медвѣдева вести богословскіе диспуты лучше всего говоритъ отзывъ его противниковъ о немъ, какъ о человѣкѣ, который „многорѣчивъ, и остроглаголивъ, и любопривъ бѣ, уста имѣя бездверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварства, языкъ же непремолчно блядущъ, толико яко всему тѣлу мнѣтиса быти языку“. (Сменцовскій, стр. 21, пр. 3.) Проф. Каптеревъ въ примѣрѣ Медвѣдева, однако, не видитъ доказательства широкой постановки преподаванія въ школѣ Полоцкаго. По его мнѣнію, Полоцкій преподавалъ своимъ ученикамъ лишь то, что царь Алексѣй Михайловичъ призналъ необходимымъ для подъячихъ Посольскаго Приказа, т.е. одну латынь. Что же касается Медвѣдева, то онъ могъ приобрести свои знанія впоследствии, благодаря совмѣстному жительству съ Полоцкимъ и личному общенію съ нимъ, а затѣмъ благодаря самостоятельному чтенію книгъ. Въ доказательство своего мнѣнія Каптеревъ приводитъ: 1) отзывъ „Остена“ о Медвѣдѣвѣ: „неукъ сей, говорится тамъ,— у нѣкогого

по всей вѣроятности, совсѣмъ не преподавался, такъ какъ самъ Полоцкій «греческаго писанія мало что знаеше». Личное расположеніе царя къ Симеону распространялось и на заведенное имъ училище. Лѣтомъ 1665 г., по указу царя, въ Спасскомъ монастырѣ было устроено особое зданіе, въ которомъ и стали учиться у Полоцкаго его ученики.

Школа Полоцкаго просуществовала очень недолго. По мнѣнію Мирковича, она была закрыта со смертію основателя, а можетъ быть даже и раньше, когда послѣдній былъ назначенъ наставникомъ царевича, т.-е. въ 1672 году ¹⁾. Профессоръ Каптеревъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что школа преслѣдовала узко-практическую цѣль— научить 3—4 подъячихъ латинскому языку, ограничиваетъ время ея существованія еще болѣе короткимъ срокомъ. По его мнѣнію, школа закрылась никакъ не позже мая 1668 года, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ ученикамъ Полоцкаго приказано было сопровождать Ордынъ-Нащюкина въ Курляндію ²⁾.

Итакъ, опытъ учрежденія Полоцкимъ школы былъ сдѣланъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Но если мы не видимъ ни Епифанія Славинецкаго ни Симеона Полоцкаго въ качествѣ устроителей правильно-организованной школы, то, во всякомъ случаѣ, нужно признать, что южно-русскіе ученые выдвинули на пер-

іезуита ученика приучился чести латинскія книги и отъ таковаго книгъ онаго чтенія и *отъ наслышанія* устоглаголаннаго онаго учителя своего и иныхъ латынниковъ обычаемъ латинскимъ навывче"; 2) свидѣтельство Лихудовъ, которые о Медвѣдевѣ говорятъ, что онъ не можетъ спорить съ ихъ учениками „ниже отъ грамматики, ниже отъ піитики, ниже отъ риторики, *всѣхъ бо сихъ не причастенъ*“ („О греко-лат. школ. въ Москвѣ“, стр. 612—613.)

¹⁾ „О школахъ и просвѣщ. въ патр. періодъ“, стр. 12.

²⁾ „О греко-лат. школахъ“, стр. 610.

вую очередь жгучій вопросъ, о необходимости школы на Руси. Съ другой стороны, въ лицѣ Симеона Полоцкаго, кіевская ученость, перенесенная въ Москву, стала теперь развиваться въ иномъ направленіи, чѣмъ прежде, именно—въ духѣ латинской схоластической учености, и успѣла пустить крѣпкіе корни на новой почвѣ. Это новое направленіе просвѣщенія необходимо должно было вызвать и дѣйствительно вызвало противъ себя протестъ со стороны консервативныхъ слоевъ русскаго общества. Поэтому, коль скоро былъ рѣшенъ окончательно вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ правильно-организованной школы, тотчасъ же возникъ другой вопросъ, о направленіи школы: какому языку дать преобладающее значеніе въ будущей школѣ, греческому или латинскому? То или другое рѣшеніе этого вопроса для современниковъ являлось очень важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Преобладаніе въ школѣ латинскаго или греческаго языка рѣшало вопросъ о томъ, какому вліянію господствовать въ Москвѣ, византійскому или латино-польскому. Завязалась ожесточенная борьба традиціонныхъ византійско-русскихъ началъ образованія съ новыми, возникшими подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи.

Развитіе и исходъ этой борьбы мы прослѣдимъ въ слѣдующей главѣ.

II. Борьба двух мировоззрѣній за направленіе высшей школы.

Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій, какъ представители греческой и латинской партій.—Полемика ихъ учениковъ.— „Доводъ вкратцѣ“... — Разсужденіе: „Учитися ли намъ“...— Академическая Привилегія. — Типографская школа. — Школа Медвѣдева и его неудачные хлопоты объ утвержденіи Привилегіи.—Побѣда греческой партіи надъ „латынниками“.

Предъ глазами московскаго общества второй половины 17 вѣка стояли два выдающихся дѣятеля, обращавшіе на себя всеобщее вниманіе своей даровитостью и учеными трудами. Это были Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій. Оба воспитанники кievской школы, оба широко образованные, оба горячо преданные своему дѣлу, эти лица, однакоже, столь различались по характеру своего образованія и ученой дѣятельности, что современники стали смотрѣть на нихъ, какъ на представителей двухъ противоположныхъ культуръ: восточной, греческой, и западной, или латинопольской. Характеристика, данная этимъ двумъ дѣятелямъ современниками, въ значительной степени проливаетъ свѣтъ и на тѣ причины, которыя вызвали споръ о преобладаніи въ школѣ греческаго или латинскаго языка. «Епифаній Славинецкій,— говоритъ его современникъ и ученикъ Евѡимій,—мужъ многочуенный, не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ееологіи извѣстный бысть испыта-

тель и искусѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ греческаго, латинскаго, словенскаго и польскаго языковъ». Какъ человекъ широко образованный, онъ не чуждался латинской науки, но не сочувствовалъ одностороннему, исключительно латинскому, направленію Полоцкаго. Это несочувствіе выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ 1664 году Славинецкій не допустилъ Полоцкаго до участія въ переводѣ библіи на славянскій языкъ. Правда, одно время и самъ Епифаній, по собственному признанію, увлекся было латинскими книгами, но увлеченіе его скоро прошло. Онъ усердно занялся чтеніемъ твореній греческихъ отцовъ и сталъ горячимъ сторонникомъ греческаго ученія, «этой ясной лучи, ею же мрачная невидѣнія тма разрѣшается, востокъ и западъ, сѣверъ и югъ просвѣщается и вся вселенная облистана бываетъ». Съ этого времени единственными для него руководителями и авторитетами въ дѣлахъ вѣры и церкви стали греческіе отцы и учителя; на ихъ твореніяхъ было построено все его міросозерцаніе, такъ что, въ глазахъ москвичей, онъ являлся не только ученымъ, но и строго православнымъ христіаниномъ. «Это былъ мужъ, въ благочестіи знатный и ученій», говоритъ современникъ. Однимъ словомъ, Епифаній Славинецкій, какъ знатокъ и любитель греческаго языка и ревнитель православія, по мнѣнію сторонниковъ греческаго ученія, принадлежалъ къ типу такихъ, именно, ученыхъ, которые были необходимы и желательны для Руси.

Совсѣмъ другое представлялъ изъ себя Симеонъ Полоцкій. По отзыву патріарха Іоакима, этотъ поборникъ «латинскихъ силлогизмовъ» «книги латинскія только чтяще, греческихъ же книгъ чтенію не баше искусенъ; того ради мудрствоваше латинская новомышленія права бы-

ти». Такой взгляд современниковъ на Полоцкаго, дѣйствительно, находилъ нѣкоторое подтвержденіе въ его сочиненіяхъ. Такъ, на примѣръ, цитируя Св. писаніе, онъ отдавалъ предпочтеніе іеронимову переводу библіи предъ переводомъ 70-ти; признавалъ латинскій, такъ называемый апостольскій, Символь вѣры; дѣлалъ ссылки на западныхъ, а не на восточныхъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ и т. п. По словамъ того же патриарха Іоакима, «Вѣнецъ вѣры» Полоцкій сплелъ «не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ богоносныхъ отецъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на Западѣ прозябшаго новшества, отъ вымысленій Скотовыхъ, Ансельмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій». Преклоненіе Полоцкаго предъ всѣмъ латинскимъ, по мнѣнію современниковъ, объяснялось тѣмъ, что онъ получилъ латинское образованіе, зналъ только латинскій языкъ, читалъ только латинскія книги. «У іезуитовъ кому учившуся, говоритъ современникъ, —наипаче только латински безъ греческаго, невозможно быти православному весма, восточная церква истинному сыну». Такимъ образомъ, Симеонъ Полоцкій, въ глазахъ русскихъ, былъ такимъ же типичнымъ представителемъ латинскаго ученія, какимъ Епифаній былъ для ученія греческаго. Однако, благодаря такту и сдержанности Полоцкаго, съ одной стороны, и кротости и миролюбію Славинецкаго съ другой, разница направленийъ никогда не доходила до открытой вражды между этими учеными.

Не то было съ ихъ учениками, не обладавшими ни тактомъ, ни сдержанностью своихъ учителей. Для характеристики инока Евѣимія и Сильвестра Медвѣдева достаточно сказать, что каждый изъ нихъ довелъ до крайности направленіе своего учителя. «Если Епифаній, по учености, былъ грекъ по преимуществу, то Евѣимій

сталъ грекомъ исключительно; если Елифаній не много былъ расположенъ къ латинянамъ и ихъ учености, то ученикъ его сталъ всѣми своими симпатіями противъ латинскаго міра... То же нужно сказать и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Медвѣдевъ забылъ, что учитель его уважалъ ученыхъ грековъ и самъ зналъ по-гречески, — онъ зналъ только по-латински и любилъ только латинскихъ ученыхъ. Гдѣ Симеонъ былъ еще довольно сдержанъ, остороженъ и, по возможности, осмотрителенъ, тамъ ученикъ его не наблюдалъ никакой сдержанности и осторожности. Медвѣдевъ прямо и явно высказывалъ то, что учитель его говорилъ только между немногими или записывалъ въ кабинетѣ» ¹⁾. Разумѣется, между Евѣиміемъ и Медвѣдевымъ уже не могло быть такихъ же мирныхъ отношеній, какія были между ихъ учителями. Вдавшись въ крайности, они окончательно разошлись между собой.

Борьба, которая завязалась между представителями двухъ направленій, повела къ тому, что ученые кіевляне, какъ защитники латинскаго образованія, сильно подорвали довѣріе и уваженіе къ себѣ въ глазахъ русскихъ. Полоцкій и его послѣдователи, особенно Медвѣдевъ, защищавшій явно католическія мнѣнія, служили убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ вредно для православія латино-польское образованіе ²⁾.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что и греки въ то время пользовались на Руси не особенно хорошей репутаціей. Главной причиной подозрительнаго отношенія къ грекамъ послужили два событія, глубоко пора-

¹⁾ Образцовъ. „Бр. Лихуды“. Ж. М. Н. П., 1867, т. 135, стр. 740.

²⁾ Ниже мы подробно разсмотримъ полемику обѣихъ партій по вопросу о направленіи школы. На полемику же по вопросамъ догматическимъ останавливаться не будемъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашего изслѣдованія.

жившія русскихъ,—это Флорентійская унія (1439 г.) и взятіе Константинополя турками (чрезъ 14 лѣтъ послѣ уніи). Не вдаваясь въ разсмотрѣніе политическихъ комбинацій византійскаго правительства, русское общество взглянуло на унію какъ на измѣну православію, какъ на зараженіе греческой церкви «латинской ересью». Паденіе же Царьграда, естественно, стало разсматриваться какъ божественное возмездіе за вѣроотступничество ¹⁾. Сами греки, въ сношеніяхъ съ Россіей, нисколько не старались поднять свой пошатнувшійся авторитетъ учителей и хранителей православія. Дѣло въ томъ, что въ далекую и варварскую Россію изъ Царьграда присылали далеко не лучшихъ представителей греческой іерархіи. Благодаря этому, еще въ глубокой древности, когда церковный авторитетъ Византіи въ глазахъ русскихъ стоялъ высоко, и тогда уже на грековъ русской человѣкъ привыкъ смотрѣть подозрительно. Плутъ, мошенникъ и... грекъ—были понятіями равнозначущими въ древней Руси. «Былъ онъ лъстивъ, потому что былъ онъ грекъ»,—говоритъ наша лѣтопись объ одномъ епископѣ-грекѣ. Послѣ паденія Константинополя замѣчаются особенно частые визиты греческаго духовенства въ Россію съ цѣлью эксплуатировать религіозное чувство русскаго народа. Во время этихъ посѣщеній греческіе іерархи, чтобы получить отъ московскаго правительства болѣе щедрю милостыню нерѣдко прибѣгали къ пре-

¹⁾ „Сами вы знаете, дѣти мои,—писалъ моск. митр. Іона пять лѣтъ спустя послѣ паденія Константинополя,—сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ отъ болгаръ и отъ персовъ... Однако же онъ нисколько не пострадалъ, пока греки соблюдали благочестіе. А когда они отступили отъ благочестія, знаете, какъ пострадали, каково было плѣненіе и убійство; а ужъ о душахъ ихъ—одинъ Богъ вѣсть“... Такъ объясняли связь міровыхъ событій въ Московской Руси XVI ст.

досудительнымъ и даже прямо преступнымъ средствамъ. «Не разъ,—говоритъ профессоръ Каптеревъ,—русскимъ приходилось созерцать не только ссоры, интриги и разныя продѣлки поселившихся въ Москвѣ греческихъ іерарховъ, но и видѣть участіе въ этой борьбѣ своекорыстныхъ интригановъ самихъ восточныхъ патріарховъ!»). Дажѣ тѣ греки, которые пріѣзжали въ Россію съ спеціальной миссіей стать руководителями русскаго просвѣщенія, далеко не всегда отличались безукоризненной нравственностью. Мы уже видѣли, что репутацію такихъ, напр., лицъ, какъ Арсеній Грекъ, Венедиктъ, Паисій Лигаридъ, нельзя назвать порядочной, даже при самомъ снисходительномъ отношеніи къ нимъ. Разумѣется, отъ вниманія русскаго человѣка, который зорко присматривался къ греческимъ выходцамъ, не могли ускользнуть ни ихъ ученость, полученная въ латинскихъ іезуитскихъ школахъ, ни самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ вліяніемъ латинскаго воспитанія, ни ихъ частная и общественная жизнь, несогласная съ представленіями русскихъ объ истинно-благочестивой и строго-православной жизни. «Самые греческіе учителя,—говорится въ челобитной Соловецкаго монастыря,—егда пріѣзжаютъ въ русскую землю, ни единъ лица своего перекрестити не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ, поселяне имъ дивятся и глаголютъ, что де они, палестинскія власти, пастыри и учителя нарицаются, во иную землю учити пріѣзжаютъ, а сами лица своего прекрестити не умѣютъ: то како и чему имъ насъ поселянъ научити и какова отъ нихъ научитися намъ православія, какова ждаты въ вѣрѣ исправленія?» Такимъ образомъ, большинство греческихъ выходцевъ своей жизнью

1) „Характеръ отношеній“, стр. 181.

и дѣятельностью на Руси нисколько не уничтожило предубѣжденія русскаго общества противъ грековъ. Несмотря, однако, на это, мы видимъ въ Москвѣ сильную греческую партію съ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ, которая не только горячо ратуетъ въ защиту греческаго языка, но и стремится, во что-бы то ни стало, провести кандидатуру исключительно лишь грековъ на мѣста блюстителя и преподавателей будущей академіи.

Чѣмъ это объяснить? Конечно, было бы большой ошибкой думать, что въ данномъ случаѣ патріархъ Іоакимъ, Евѣимій и другіе его сторонники руководились личными симпатіями. Несомнѣнно, были причины принципиальныя. Дѣло въ томъ, что какъ ни подозрительно русскіе относились къ грекамъ, однако южно-русскіе ученые заслуживали въ ихъ глазахъ еще менѣе довѣрія. Въ сущности, крайнія воззрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, высказывались только какъ частное мнѣніе, и никогда не были взглядомъ всеобщимъ и тѣмъ болѣе церковнымъ. Образованное московское общество понимало, что Флорентійская унія была дѣломъ политическаго расчета, извѣстнымъ компромиссомъ, на который пошла лишь свѣтская власть и согласились нѣкоторые греческіе іерархи. Что же касается всего, вообще, греческаго народа, то онъ, въ дѣйствительности, отнесся къ уніи отрицательно и остался православнымъ ¹⁾. Равнымъ образомъ, и господство турокъ не повредило чистотѣ православія на Востокѣ. Въ «Книгѣ

¹⁾ Такъ, митр. Іона въ писаніи къ вел. князю Александру Владимировичу, писалъ: „ты самъ знаешь, что случилось въ Царь-градѣ въ царяхъ и патріаршество... въ великой соборной церкви и палатѣ царской начали поминать имя папы, тогда какъ ни въ монастыряхъ ни въ одной изъ церквей въ Царь-градѣ и во всей Святой горѣ нигдѣ не поминается имя папино, а держатъ всѣ, по милости Божіей, добрую старину“. (Каптеревъ, „Патр. Никонъ, стр. 27.)

о вѣрѣ», наиболѣе уважаемой въ древней Руси, говорится, что «стадо Божіихъ овецъ, въ Греціи живущихъ... вѣру истинную и совѣсть свою чисту и нескверну Царю надъ всѣмъ цари и Богу сохраняетъ. Ничесоже бо турцы отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отымають, то чію дань грошовую отъ грековъ приѣмлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ нимало не належають, и не вступаютъ въ то». Итакъ, въ то время, какъ многіе русскіе склонны были подозрѣвать грековъ въ латинской ереси и даже въ басурманствѣ, лучшая часть московскаго общества признавала, что православіе грековъ, само по себѣ, осталось, попрежнему, не поврежденнымъ, и что греческая церковь, какъ старшая, по праву, должна быть авторитетомъ для русской. Это прекрасно и доказывалось тѣмъ, что русскіе святители всегда обращались за разрѣшеніемъ наиболѣе важныхъ церковныхъ вопросовъ къ греческимъ патріархамъ. Греческій-же патріархъ (Іеремія) посвятилъ и нашего перваго патріарха, Іова. Такимъ образомъ, авторитетъ греческихъ патріарховъ, лучшія преданія и святыни Востока, попрежнему, заставляли русскаго человѣка обращать свои взоры туда, откуда онъ принялъ христіанство.

Неудивительно, поэтому, что въ Москвѣ, на ряду съ «латинской» партіей, существовала сильная партія убѣжденныхъ сторонниковъ «греческаго ученія» въ проектируемой академіи.

За отсутствіемъ историческихъ источниковъ, мы не можемъ дать полной картины той борьбы, которая завязалась между представителями греческой и латинской партій по вопросу о направленіи высшей школы. Изъ полемической литературы по этому вопросу сохранились лишь двѣ записки сторонниковъ «греческаго ученія». Записки довольно подробно знакомятъ насъ со взгля-

домъ партіи на значеніе греческаго языка въ образованіи истинно-православнаго христіанина и на необходимость его изученія именно для русскаго образованнаго человѣка.

Первая озаглавлена такъ: «Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуется славенскому народу»¹⁾. Въ этомъ произведеніи неизвѣстный авторъ, стараясь доказать преимущество греческаго языка предъ латинскимъ, 1) указываетъ на примѣръ Св. Владимира, который принялъ отъ грековъ вѣру и св. книги; 2) приводитъ свидѣтельства самихъ латинскихъ писателей (Антонія Поссевина, Липсіа) о всемірномъ культурномъ значеніи грековъ и греческаго языка и перечисляетъ рядъ историческихъ фактовъ, говорящихъ о томъ же: на греческій языкъ былъ переведенъ Ветхій Завѣтъ, на немъ же написанъ и Новый Завѣтъ, всѣ семь вселенскихъ соборовъ происходили въ Греціи, на греческомъ языкѣ записаны и акты этихъ соборовъ; греки дали человѣчеству лучшія творенія по всѣмъ отраслямъ науки: богословію, философіи, поэзіи, риторикѣ, медицинѣ, геометріи, астрономіи и др.; 3) обращаетъ вниманіе на особенную пользу изученія греческаго языка именно для русскихъ, такъ какъ, во 1-хъ, по свидѣтельству Мелетія Смотрицкаго, славянскій языкъ болѣе близокъ къ греческому, чѣмъ къ латыни, а во 2-хъ, для исправнаго печатанія церковныхъ книгъ необходимо сличать ихъ опять-таки съ греческими, а не съ латинскими рукописями; 4) какъ на послѣдствія изученія латинскаго языка, указываетъ на судьбу бѣлорус-

¹⁾ Напечатана Н. Ф. Каптеревымъ въ приложеніи къ его статьѣ: „О грек.-лат. школ. въ Москвѣ въ 17 в.“ (Приб. къ тв. св. от., ч. 44, стр. 672—679.)

совъ, которые почти всѣ перешли въ унію; 5) указываетъ, наконецъ, на то обстоятельство, что, по традиціи, русскіе всегда чувствовали антипатію къ латинянамъ, а за разрѣшеніемъ всякихъ недоумѣній на почвѣ религіозной обязательно обращались къ православному Востоку. Изъ всего сказаннаго авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что главнымъ предметомъ изученія долженъ быть греческій языкъ, какъ несомнѣнно полезный для православной вѣры; вмѣстѣ съ нимъ нужно изучать и славянской, а потомъ, когда эти языки будутъ основательно усвоены, можно, по желанію, заняться изученіемъ и латинскаго языка.

Другое сочиненіе о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ имѣетъ такое длинное заглавіе: «Учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и еологій, и стихотворному художеству, и оттуду познавати Божественныя писанія, или, неучася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати,—и что лучше російскимъ людемъ учиться греческаго языка, а не латинскаго» 1).

Какъ видно изъ самаго заглавія, разсужденіе это раздѣляется на 2 части. Въ первой части, очень краткой, авторъ указываетъ на необходимость школьной системы обученія («учитися грамматики, риторики»... и т. д.) и тѣмъ окончательно осуждаетъ систему начетчичества (т.-е. «въ простотѣ Богу угождати и *отъ чтеній* разумъ святыхъ писаній познавати»). «Простота сугуба есть,—говоритъ авторъ,—ова незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель терпѣнія, и непамятозлобія, и немщеніе оби-

1) Напечатано въ приложеніи къ изслѣдованію Сменцовскаго: „Бр. Лихуды“, Спб., 1899, стр. VI—XXVI. Авторомъ его Сменцовскій считаетъ инока Евемію.

дящимъ; ова же невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіею закона, еже злоба есть преглубока... Неученіе тма, ослѣпляющая умныя очи, и есть и глаголется... ученіе же ясная луча есть... и есть веліе благо»... Такимъ образомъ, мысль о томъ, что лучше «въ простотѣ Богу угождати», безъ всякихъ школьныхъ наукъ, не находитъ въ авторѣ ни малѣйшей поддержки.

Вторая часть разсужденія доказываетъ, что «лучше російскимъ людямъ учиться греческаго языка, а не латинскаго». «Азъ тебѣ покажу,—говоритъ авторъ,—яко свойственнѣ намъ, словяномъ, удесемъ сущимъ святыя, восточныя церкви, греческій языкъ и ученіе того знати потребнѣше есть и полезнѣше по многимъ: первое—по вѣры православныя единству...; второе—по согласію и купно чину церковныхъ законовъ и по преданію божественныхъ тайнъ; 3) по ученію въ томъ гречествѣмъ языкѣ древнихъ святыхъ отцевъ нашихъ; 4) по священнымъ книгамъ и ученіемъ Ветхаго Завѣта, паче же по самому святому Евангелію и Апостолу, писаннымъ первообразно отъ самыхъ святыхъ апостоловъ гречески, а не латински; 5) къ симъ, по самымъ стихіемъ, или письменемъ, и по осми частемъ грамматики и сочиненію тѣхъ свойственъ греческій языкъ словенскому».

Далѣе слѣдуетъ подробное развитіе этихъ намѣченныхъ пунктовъ. Авторъ начинаетъ съ конца, т.-е. съ пятаго пункта. Сравнивая алфавиты греческій, славянскій и латинскій, онъ находитъ, что греческія буквы, по своему начертанію, имѣютъ большое сходство со славянскими, «латинская же много отмѣнна и неслична». По убѣжденію автора, эта разница славянскаго и латинскаго алфавитовъ, вещь довольно серьезная и объясняется причинами принципиальнаго свойства. «Овча подобно

есть своей матери всячески по виду и нраву, яко славянскія письмена греческимъ подобна суть; козлище же инородное, аще чимъ малымъ и приуподобляется овцѣ, обаче всячески естествомъ и видомъ отсутствуетъ и разнствуетъ, яко и сія латинскія литеры греческимъ и словенскимъ, яко козлище овцѣ, много зѣло не подобятся; греческая же письмена и словенская, яко овча съ матерію (словенская бо изъ греческихъ преложишася), обоя между собой подобствуютъ и согласуются. И сія далечности и разности словяномъ отъ латинъ первая, аще мнится и малая вина обаче не есть малая. «Вторая и большая вина, раздѣляющая славянъ отъ латинъ»,—это разница въ частяхъ грамматики. Авторъ подробно развиваетъ это положеніе, при чемъ особенно подчеркиваетъ отсутствіе въ латинскомъ языкѣ члена. «Скудость», «тѣснота» и «убожество» латинскаго языка, сравнительно съ греческимъ и славянскимъ, особенно замѣтно сказываются при передачѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. Въ то время какъ на славянскомъ языкѣ эти имена передаются вполне точно, даже съ сохраненіемъ греческой орфографіи, «латинницы имена оная греческая, не могутъ на свою бесѣду добре претолковать, растлѣнно глаголють: метрополитъ, архидиаконъ... паче же самого Сына Божія спасительное имя Іисусъ глаголють «Іезусъ», святыхъ имена—«Михаель», «Даніель»... всѣхъ же стыдншее—святого многострадальнаго праведнаго Іова имя зовутъ срамно «Іобъ»... вполне понятно отсюда, что «книги греческія латинскимъ языкомъ добре на славенскій діалектъ превести отнюдь не возможно». Въ доказательство этого авторъ даетъ переводъ Символа вѣры съ латинскаго на славянскій языкъ (переводъ, нужно замѣтить, совершенно произвольный) и заключаетъ: Святыя отцы вселенскихъ соборовъ подъ страхомъ анае-

мы запретили что-либо измѣнять въ Никео-цареградскомъ Символѣ, — «съ латинска же аще прелагати ся будетъ, видиши, колико премѣнится и претворится и отъ истины весьма отчуждится».

Въ четвертомъ пунктѣ авторъ указываетъ, что православная церковь, греческая и русская, имѣетъ для церковнаго употребленія только одну библію, въ переводѣ 70-ти, «латинницы же и лутеры держатъ разныя библіи многихъ новыхъ преводниковъ, бывшихъ послѣ Христова воплощенія, переведенныя съ еврейскаго, явно уже растлѣннаго отъ христоненавистниковъ, еврейскихъ раввиновъ». Одной изъ такихъ, наиболѣе «растлѣнныхъ», библій авторъ считаетъ библію въ переводѣ Іеронима. Далѣе онъ указываетъ на разности латинскихъ и польскихъ библій сравнительно съ греческой и славянской — въ числѣ патріарховъ, въ продолжительности ихъ жизни, въ самомъ текстѣ ветхозавѣтныхъ книгъ; указываетъ, что почти всѣ новозавѣтныя книги писаны на греческомъ языкѣ, и изъ всего этого выводитъ заключеніе: «внимати треба, яко языкъ греческій честенъ и великъ и богословіе могутъ объяти, не заимствуя языка латинскаго; языкъ же латинскій безъ греческаго ничтоже могутъ высокихъ разумѣній, паче же о богословіи, писати и глаголати, и вельми самъ собою непотребенъ намъ, славяномъ, и ничтоже воспользуетъ насъ, но паче пошлить и далече отъ истины въ богословіи отведеть и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечеть». Пунктъ четвертый заканчивается ссылкой на свидѣтельство Епифанія Славинецкаго о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ.

Въ третьемъ пунктѣ авторъ начинаетъ съ указанія на то, что всѣ древніе знаменитые отцы церкви изучали богословіе на греческомъ языкѣ, а потому и пребывали въ

православіи; латиняне же изучаютъ богословіе по системѣ «врага» восточной церкви, іезуита Тома Аквината и, такимъ образомъ, «въ стремнину погибели тоя низстремляются, удалившися святыхъ отцевъ ееологій». Въ доказательство пагубности латинскаго ученія авторъ ссылается на примѣръ Епифанія Славинецкаго, который рассказываетъ о себѣ: «Яко в малѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію, дондеже не прочитая святыхъ отцевъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія. Егда же, озарився благодатію Св. Духа, начахъ прочитати греческія книги, тогда лестъ латинскую познахъ». Далѣе, авторъ указываетъ на то, что прежніе русскіе митрополиты и епископы «чины и пѣснопѣнія держажу греческаяя»; ссылается на благословеніе восточныхъ патріарховъ 1586 г. «славяномъ учитися греческому языку», на грамоту патріарха Іереміи объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и на постановленіе собора 1666 года объ исправленіи богослужебныхъ книгъ по греческимъ подлинникамъ. Однимъ словомъ, «отовсюду благословеніе дадеся явленно, яко и отъ Бога и архіереевъ, еже учитися славяномъ по-гречески», замѣчаетъ авторъ. Послѣ этого онъ опять нападаетъ на «латинское ученіе». Отъ него, «ничто же еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточныя святія церкви, матери нашея: нѣкоего Символа, его же держать латиницы и лутеры, лживо называюще быти апостольскій, и треугольникомъ образующе Отца и Сына и Св. Духа необразуемое Божество... И иный подвергъ тайный по латинскому смышленію, о пресуществленіи Тѣла и Крове Христовы изъ хлѣба и вина, не согласующійся святыхъ отцевъ восточнымъ ученіемъ, и иная нѣкая новшества». По мнѣнію автора, всѣ эти новшества получаютъ среди русскихъ еще большее распространеніе, если въ Москвѣ

водеорится латинская наука. Въмѣстѣ съ нею въ Москву проникнуть «лукавіи іезуиты» и будутъ «злохитростно всѣвати неудопопознаваемыя своя силлогизмы, или аргументы душетлительныя». Въ виду такой опасности для русскихъ отъ изученія латинскаго языка, авторъ горячо убѣждаетъ власть имѣющихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами «угашати малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздмитися и воскуритися».

Въ заключеніе разсужденія, авторъ (оставивъ безъ разсмотрѣнія первые намѣченные имъ 2 пункта), указываетъ на благія практическія послѣдствія для русскихъ, если они будутъ изучать не латинскій, а греческій языкъ. Тогда русскіе «всѣхъ сихъ предреченныхъ бѣдъ избѣгнутъ и согласны во всемъ и купночинны будутъ съ восточною Св. Церковію... Еще и святѣйшіе патріарси подадутъ вящшее благословеніе и 'молитву' о благосостояніи Великороссійскаго царствія... Тогда и народы всѣ окружни, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому Величеству приклонятся... Тогда и свой народъ, наченъ отъ благородныхъ до простыхъ и самыхъ, глаголю, поселянъ, услышавше ученіе греческое, возрадуются и похвалятъ». Тогда, наконецъ, «и мятежницы Церкви, отложивше всякую молву, утишатся и Церкви Святѣй покорятся и прилѣплятся чрезъ покаяніе».

Такъ доказывали сторонники греческой партіи необходимость для русскихъ именно греческой школы.

Споръ между обѣими партіями не ограничился одной Москвою. Въ немъ приняли участіе и восточные патріархи, ставши, разумѣется, на сторону греческой партіи. Въ цѣломъ рядѣ сохранившихся до насъ грамотъ къ московскому правительству и частнымъ лицамъ они горячо ратовали за преимущество греческаго языка передъ

латинскимъ. Очень возможно, что произведенія, въ родѣ только что разобранныхъ нами, составлялись подъ непосредственнымъ вліяніемъ подобныхъ грамотъ. Съ этой точки зрѣнія, наиболѣе типичнымъ и характернымъ является письмо іерусалимскаго патріарха Досіея къ дьяку Полянскому ¹⁾. «Рекшему чести твои,—писалъ онъ,—не учиться дѣтямъ вашимъ еллински, но латински, рцы ему первое, яко древнее священна писаніе Св. Духъ на еллинскій языкъ претолкова, а не на иной. Рцы второе, яко оный предпочитаетъ и употребляетъ во свидѣтельство не только вся каѳолическая Христова Церковь, но и саміи еретики, понуждаеміи отъ истины. Рцы третіе: Св. Евангеліе и Дѣянія апостольская и писанія св. апостолъ еллински написахуся. Рцы четвертое: вселенскіе соборы еллина имѣяху; бѣху же (на соборахъ) и ѳранки, два или три, и не больши. Рцы пятое: избранніи изъ отцевъ бѣху еллина. Рцы шестое: восточные отцы суть западныхъ учителя. Рцы седьмое: завѣщанія и каноны св. апостолъ еллински написахуся. Рцы осьмое: Символъ апостольскій и Символъ перваго вселенскаго собора и предѣлы прочихъ вселенскихъ соборовъ еллински написахуся. Девятое: божественные обычаи, типы и утвержденія самодержцевъ о вѣрѣ и вселенскихъ соборовъ—еллински написахуся. Десятое: церковніи историки древніи еллина быша. Единадесятое: и самый языкъ латинскій половина есть греческаго. Убо несравнительно предпочитается еллинскій языкъ отъ латинскаго, и кто предпочитаетъ латинскій, есть еретикъ и отступникъ реченныхъ ради вышши, и еще яко на латинскомъ языкѣ написаны суть толика ереси, толика шпынства, паче безбожества. Посемъ и въ политиче-

¹⁾ Напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1862 г., ч. 3, стр. 88—89.

скихъ, и въ нынѣшнихъ, и въ риторическихъ, логическихъ, творческихъ, философскихъ, ариѳметическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ, еллини суть учителя латинянь; и яко отъ церковныхъ латини испадоша и удалишася, тако и внѣшняя раздраша и оскверниша».

Конечно, аргументы сторонниковъ греческаго ученія не оставались безъ возраженій со стороны латинской партіи. Намъ неизвѣстно, въ чемъ, именно, состояли эти возраженія «Вѣроятно,—говоритъ профессоръ Каптеревъ,—защитники латинскаго ученія указывали на то, что латинскій языкъ есть общепризнанный языкъ школы, науки, международныхъ сношеній, языкъ, признанный всѣми образованными народами, безъ котораго невозможно истинно-научное образованіе... что сами ученые греки позднѣйшаго времени есть воспитанники западныхъ школъ, вся ихъ ученость заимствована ими у Запада, безъ котораго они уже не могутъ обходиться... что, въ виду этого, и русскимъ слѣдуетъ искать образованія не у грековъ, а прямо на Западѣ»¹⁾.

Борясь между собой, обѣ партіи старались склонить правительство на свою сторону, представляя ему свои соображенія и проекты устройства будущей школы. Эти соображенія и проекты, вѣроятно, и послужили тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго была составлена извѣстная *Академическая Привилегія*²⁾.

Привилегія состоитъ изъ предисловія и 18 пунктовъ, въ которыхъ довольно подробно опредѣляются права и обязанности Академіи.

¹⁾ Каптеревъ, „О гр.-лат. шк.“, стр. 647—648.

²⁾ Напечатана въ Древн. Росс. Вивліоекѣ, 2 изд., ч. VI, стр. 390—420; также у Амвросія, „Истор. іерархіи“, М. 1807, ч. I, стр. 515—543.

Въ предисловіи царь Ѳедоръ Алексѣевичъ говоритъ о мотивахъ, побудившихъ его основать Академію. Этими мотивами являются: 1) «важность и польза изученія мудрости, чрезъ которую слава Божія умножается, православная наша восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется»...; 2) завѣтъ патріарховъ: Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, которые въ 1668 году благословили учредить въ Москвѣ славяно-греко-латинское училище; 3) достойный подражанія примѣръ Соломона и древнихъ греческихъ благочестивыхъ царей, заботившихся о просвѣщеніи своихъ подданныхъ. Въ силу этихъ мотивовъ царь рѣшилъ «храмы чиномъ Академіи устроить и въ юныхъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, наченши отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановити. Притомъ же, ученію правосудія, духовнаго и мірскаго (церковное и гражданское право), и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость Академіи, сирѣчь училищъ, составляется, быти».

Далѣе слѣдуютъ 18 пунктовъ, трактующихъ о правахъ и обязанностяхъ Академіи. Подъ постройку академическихъ зданій Привилегія отводила участокъ земли въ Заиконоспасскомъ монастырѣ у Неглинныхъ воротъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ къ Академіи приписывалось, кромѣ Спасскаго монастыря, еще шесть со всѣми ихъ угодьями, а именно: Богословскій въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, Андреевскій, въ Москвѣ, (гдѣ помѣщалось Ртищевское братство), Даниловскій на Москвѣ-рѣкѣ (для помѣщенія пріѣзжавшихъ въ Москву ученыхъ), Страмынскій Троицкій въ Москов-

скомъ уѣздѣ, Никольскій Пѣсножскій и Борисоглѣбскій въ Дмитровскомъ уѣздѣ и Медвѣдева Пустынь. Къ этому царь прибавлялъ еще отъ себя свою «дворовую Вышгородскую волость въ Верейскомъ уѣздѣ» и восемь пустошей въ Боровскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, не запрещалось принимать частныя пожертвованія «на пропитаніе и одежду ученикамъ» (§§ 1—2). Чтобы обезпечить Академію со стороны учебныхъ пособій, царь навсегда уступалъ ей государственную бібліотеку (§ 17).

Поступать въ студенты Академіи предоставлялось «всякаго чина, сана и возраста людямъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры» (§ 5). Въ видахъ успѣшнаго прохожденія курса наукъ, учащіеся пользовались своего рода правомъ неприкосновенности. Такъ, напр., съ нихъ нельзя было взыскать отцовскихъ долговъ ранѣе окончанія курса (§ 7). Вообще, ученики Академіи освобождались отъ дѣйствующаго въ государствѣ суда гражданскаго и уголовнаго и подлежали суду блюстителя и учителей. Лишь за тяжкія уголовныя преступленія—«убійственное или иное какое великое дѣло»,—ученики подлежали обычному для всѣхъ суду въ приказахъ, но о каждомъ такомъ случаѣ сообщалось, предварительно, блюстителю: «а безъ вѣдома его ихъ въ приказы не имати». (§ 8). Успѣшно кончившіе курсъ Академіи могли поступать на государеву службу и получать «приличныя чины ихъ разуму»,—право, которымъ до сихъ поръ пользовались только люди благороднаго происхожденія. Лучшіе же и наиболѣе прилежныя ученики, кромѣ того, по представленію блюстителя, получали отъ царя особую награду (§ 10).

Большая часть пунктовъ Привилегіи говоритъ о правахъ и обязанностяхъ блюстителя и учителей Академіи. Должности блюстителя и учителей могли занимать лишь

православные русские или греки, при чемъ послѣдніе должны были представлять письменное свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ о своемъ православіи. Независимо отъ этого, по прибытіи въ Россію, они подвергались тщательному испытанію въ вѣрѣ, «дабы кто изъ нихъ также не содѣлалъ, якоже прежде Исидоръ Россійскій митрополитъ». Еще съ большей осторожностью требовалось относиться къ литовскимъ и южно-русскимъ ученымъ. Новообращенныхъ-же въ православіе изъ другихъ вѣръ вовсе не разрѣшалось допускать къ занятію должности блюстителя или учителей Академіи (§ 3). Блюститель и учителя должны были, по требованію Привилегіи, давать присягу быть вѣрными православію и защищать его отъ нападеній иновѣрцевъ и еретиковъ. За нарушеніе присяги «по винѣ да накажется и отъ чина своего учительскаго да извергнется», а за хулу православной вѣры «безъ всякаго милосердія да сожжется» (§ 4). Какъ блюститель, такъ и учителя освобождались отъ свѣтскаго суда. Блюститель подлежалъ суду учителей, въ присутствіи делегатовъ отъ царя и патріарха, а учитель—суду своихъ товарищей подъ предсѣдательствомъ блюстителя (§ 8).

Никто изъ учителей, безъ вѣдома и согласія блюстителя и своихъ товарищей, не могъ переходить на другую службу. За продолжительную службу въ Академіи учителямъ назначалась пенсія «ради ихъ къ старости успокоенія» (§ 9).

Компетенція блюстителя и учителей далеко не ограничивалась предѣлами Академіи. Привилегія представляла имъ высшій контроль въ дѣлахъ вѣры и народнаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія съ правомъ произносить даже смертный приговоръ надъ всѣми, кто такъ или иначе угрожалъ чистотѣ православія въ Россіи.

Безъ разрѣшенія блюстителя и учителей никто не могъ держать у себя домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ (§ 6). Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву для поступленія на царскую службу, должны были заручиться одобреніемъ отъ Академіи, въ противномъ случаѣ, они не только не принимались на службу, но и совершенно высылались изъ предѣловъ Московскаго государства (§ 11). Блюститель и учителя должны были слѣдить, чтобы не было въ народѣ религіозныхъ распрей и раздоровъ «отъ противно мудрствующихъ всякаго чина людей». О виновныхъ доносилось дарю для преданія суду «безъ всякаго помилованія» (§ 12). Подъ наблюденіемъ академической корпораціи находились также всѣ новообращенные въ православіе изъ другихъ вѣръ, при чемъ всякій, кто оказывался не твердымъ въ православіи, ссылался на Терекъ или въ Сибирь, а явный измѣнникъ православной вѣрѣ сжигался «безъ всякаго милосердія» (§ 13). На блюстителей и учителей лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы никто, подѣ страхомъ быть сожженнымъ на кострѣ, не держалъ у себя «волшебныхъ, и чародѣйныхъ, и гадательныхъ, богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ». Предписывалось «передати казни нещадно» и за храненіе у себя на дому «польскихъ и латинскихъ, и нѣмецкихъ, и люторскихъ, и кальвинскихъ, и прочихъ еретическихъ книгъ» (§ 14). Смертной казни чрезъ сожженіе, по суду Академіи, подлежали также уличенные въ хулѣ на православную вѣру «при пиршествѣ или при достодолжныхъ свидѣтеляхъ», при чемъ не дѣлалось различія между обвиняемыми изъ русскихъ и иностранцевъ (§ 15). Такой же участи подвергались православные иностранцы, перешедшіе, во время пребыванія въ Московскомъ государствѣ, въ протестанство. Даже иностранцы-католики,

за переходъ въ протестанство, по суду Академіи, наказывались ссылкой (§ 16).

Грамота заканчивается обѣщаніемъ царя оказывать Академіи свое покровительство и защищать ее отъ возможныхъ притѣсненій (§ 18).

Изъ разсмотрѣнія Привилегіи нетрудно убѣдиться, что Академіи предполагалось сообщить характеръ корпорации почти независимой и самостоятельной. Мы видимъ, что въ основу академической жизни положена автономія на самыхъ широкихъ началахъ: коллегіальное и совершенно независимое отъ стороннихъ вліяній управленіе, собственный судъ, собственныя матеріальныя средства и право самостоятельно распоряжаться ими. Кромѣ того, Академія была высшимъ трибуналомъ по дѣламъ вѣры въ случаяхъ, угрожающихъ чистотѣ православія. Эта послѣдняя черта является довольно характерной и даетъ возможность судить о господствовавшемъ взглядѣ московскаго общества на науку и училище. На эту черту обратилъ вниманіе Соловьевъ: «Училище свободныхъ наукъ,—говоритъ онъ,—устраивается въ интересахъ церкви, для поддержки православія... Православіе окружено опасностями,—люди, враждебные ему, люди римской, лютерской и кальвинской вѣры безпрестанно являются въ Москву; ихъ много въ службѣ великаго государя; ирелестники будутъ дѣйствовать противъ православія, не разбирая средствъ; православію нужно бороться съ ними неусыпно, и главнымъ орудіемъ для этой борьбы будетъ Академія. Она уполномочена слѣдить за всѣми движеніями враговъ и бить врагъ при первой опасности. Московская Академія, по проекту царя Θεодора,—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ, съ иновѣрнымъ Западомъ;

это—не училище только, это—страшный инквизиціонный трибуналъ: произнесутъ блюстителъ съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи», и костеръ запылаетъ для преступника» 1).

Кто былъ авторомъ «Привилегіи»? Большинство изслѣдователей склоняется къ тому мнѣнію, что инициатива и самое авторство грамоты принадлежали Симеону Полоцкому. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ такія данныя.

1) Въ предисловіи къ грамотѣ приведены цитаты, взятые изъ сборника Полоцкаго: «Вечеря Духовная», сборника, который въ годъ изданія грамоты еще не былъ напечатанъ. 2) Мысль о помѣщеніи Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ Полоцкій жилъ и былъ настоятелемъ, могла исходить скорѣе всего именно отъ него, такъ какъ онъ стремился и надѣялся быть начальникомъ Академіи. 3) Сильвестръ Медвѣдевъ, въ стихахъ, поднесенныхъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, отзывается съ похвалою объ авторѣ «Привилегіи»:

Академіи привилій тебѣ вручаю,
Иже любезнымъ ти братомъ созданъ есть,
Повелѣніемъ чинно написанъ есть.

Трудно допустить, чтобы вдохновитель автора «Псеонистовнаго бреханія» похвалилъ кого-нибудь изъ рядовъ враждебной ему греческой партіи. 4) На Полоцкаго, какъ на автора грамоты, указываютъ и огромныя права, данныя Академіи. Какъ извѣстно, патріархъ Іоакимъ, недовольный сильнымъ вліяніемъ Полоцкаго при дворѣ, старался ослабить это вліяніе и ограничить кругъ его дѣятельности. Въ цѣляхъ освобожденія отъ контроля патріарха, Полоцкій, какъ будущій начальникъ Ака-

1) „Исторія Россіи“, 2-е изд., т. XIII, стр. 885.

деміи, и постарался надѣлать ее возможно большими полномочіями. 5) Сходство Привилегіи съ уставами тогдашнихъ западно-европейскихъ университетовъ доказываетъ, что авторъ ея принадлежалъ къ категоріи тѣхъ людей, которые не боялись заимствованій съ Запада. 6) Наконецъ, царь Θεодоръ Алексѣевичъ, ученикъ и другъ Полоцкаго, едва-ли согласился бы поручить составленіе грамоты кому-либо изъ несимпатичной ему греческой партіи. Нелюбовь свою къ грекамъ Θεодоръ Алексѣевичъ доказалъ указомъ отъ 10 сентября 1676 года, въ силу котораго грекамъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ Москву и даже всякій доступъ въ Россію.

Таковы доказательства въ пользу составленія Привилегіи Симеономъ Полоцкимъ.

Наиболѣе основательныя возраженія противъ приведеннаго мнѣнія высказываетъ профессоръ Н. Θ. Каптеревъ въ статьѣ: «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ». За неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ, Каптеревъ воздерживается отъ какого-либо положительнаго отвѣта по вопросу объ авторѣ Привилегіи. Но онъ рѣшительно отказывается признать авторомъ грамоты Симеона Полоцкаго, въ силу слѣдующихъ соображеній:

- 1) По согласному мнѣнію всѣхъ ученыхъ, Привилегія написана уже послѣ открытія такъ называемой Типографской школы, т. е. не ранѣе 1681 года, чему не противорѣчитъ и хронологическая дата грамоты (1682 г.), — а между тѣмъ, Полоцкій умеръ въ 1680 году.
- 2) Въ бумагахъ Полоцкаго не нашлось списка Привилегіи, хотя онъ имѣлъ привычку тщательно сохранять все, что написалъ.
- 3) Медвѣдевъ, преклонявшійся предъ Полоцкимъ, нигдѣ, однако, не упоминаетъ о немъ, какъ объ авторѣ Привилегіи.
- 4) Лихуды, Θ. Поликарповъ и другіе со-

временники тоже нигдѣ не называютъ Полоцкаго авторомъ этого документа. 5) Изъ содержанія грамоты видно, что нѣкоторые ея пункты написаны по поводу событій, имѣвшихъ мѣсто уже послѣ смерти Полоцкаго, а нѣкоторые изъ нихъ даже косвенно направлены противъ самого Полоцкаго и его сторонниковъ. Такъ, на примѣръ, исторія съ Яномъ Бѣлободскимъ, прибывшимъ въ Москву въ 1681 г. съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ профессора Академіи, вызвала, по мнѣнію Каптерева, запрещеніе въ § 3 назначать на должность блюстителя или учителей лицъ, обращенныхъ въ православіе изъ другихъ вѣръ. Противъ Полоцкаго и южно-русскихъ ученыхъ направлено требованіе того-же § 3, въ силу котораго, при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ, грекамъ, съ рекомендаціей восточныхъ патріарховъ, оказывалось предпочтеніе и большее довѣріе, чѣмъ южно-русскимъ ученымъ. Кромѣ того, противъ Полоцкаго и южно-русскихъ ученыхъ, по мнѣнію Каптерева, направлены: § 5, угрожавшій сожженіемъ лицамъ, которые занимаются «магіей естественной», § 6, запрещающій нанимать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, и § 14—запрещающій имѣть книги на иностранныхъ языкахъ.

Въ силу этихъ данныхъ, профессоръ Каптеревъ, отрицая принадлежность грамоты перу Полоцкаго, полагаетъ, что «Привилегія была написана обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ, на основаніи тѣхъ, между прочимъ, заявленій, какія дѣлались, по поводу имѣющей открыться Академіи, сторонниками греческаго и латинскаго ученія» ¹⁾.

Нужно, однако, замѣтить, что если доказательства въ

¹⁾ „О гр.-лат. школахъ“, стр. 670.

пользу авторства Симеона Полоцкаго не имѣютъ за собой точныхъ документныхъ данныхъ, то и доводы Каптерева нельзя назвать вполне убѣдительными. Дѣйствительно, Привилегія, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, не могла быть написана Полоцкимъ,—но почему не допустить, что ему принадлежала первоначальная редакція грамоты, а мѣста, на которыя указываетъ почтенный ученый, явились результатомъ позднѣйшихъ дополненій и поправокъ?

Привилегія, повидимому, осталась неутвержденной ¹⁾. Но какъ бы то ни было, одинъ уже фактъ появленія этого документа доказывалъ обѣимъ боровавшимся партіямъ непоколебимое рѣшеніе правительства открыть въ Москвѣ высшую школу въ самомъ недалекомъ будущемъ. Это, съ одной стороны, а съ другой—громадныя права и преимущества, которыя предполагалось предоставить Академіи, заставляли какъ греческую, такъ и латинскую партіи приложить, на послѣдокъ, всѣ усилія къ тому, чтобы побѣдить противника. Къ своему огорченію, латинская партія, въ концѣ-концовъ, должна была убѣдиться, что побѣда явно клонится не на ея сторону. Какъ на причину этого, можно указать, прежде всего, на смерть Симеона Полоцкаго (въ августѣ 1680 г.). Въ его лицѣ партія лишилась авторитетнаго вождя, съ глубокимъ пронизательнымъ умомъ, осторожной тактикой и громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Не менѣе

¹⁾ Мнѣніе А. В. Горскаго (въ статьѣ: „О духовныхъ училищахъ“, Приб. къ тв. св. от. 1845 г., III, стр. 185) и Каптерева („О греко-лат. школахъ“, стр. 671—672). Смендовскій, присоединяясь къ этому мнѣнію, въ подтвержденіе его ссылается на докладъ, представленный Св. Синоду 1722 г. ректоромъ Академіи, Вишневскимъ. „Понеже,—пишетъ Вишневскій въ 1-мъ пунктѣ этого доклада,—до сихъ поръ никакого привиліи не имѣетъ Московская Академія“... („Бр. Лихуды“, стр. 36, пр. 3).

важное значеніе имѣло и то обстоятельство, что южно-русскіе ученые, съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ во главѣ, высказывая латинскія мнѣнія въ спорахъ о хлѣбопоклонной ереси, тѣмъ самымъ сильно подорвали въ глазахъ русскихъ свой авторитетъ. вмѣстѣ съ этимъ, естественно, потеряла довѣріе и та образовательная система, которую они отстаивали ¹⁾).

Первымъ, наиболѣе замѣтнымъ, результатомъ побѣды греческой партіи надъ латинской было открытіе греческой Типографской школы ²⁾. Это—первая организованная школа въ Москвѣ. Ее нельзя назвать предшественницей Академіи, но несомнѣнно, она была ея предвѣстницей.

По свидѣтельству Федора Поликарповича, поводомъ къ открытію Типографской школы послужило возвращеніе въ Москву съ Востока русскаго іеромонаха Ти-

¹⁾ Очень возможно, что, въ силу этихъ причинъ, Привилегія попала на просмотръ патр. Іоакиму, который, конечно, внесъ въ нее существенныя измѣненія. Эта вторичная редакція грамоты, повидимому, и дошла до насъ.

²⁾ Всѣ изслѣдователи, на основаніи „Историческаго извѣстія о Московской Академіи“ Ѳ. Поликарпова, приурочивали открытіе Типогр. школы къ 1679 году. Но проф. Каптеревъ доказалъ, что открытіе школы послѣдовало въ 1681 году („О греко-лат. школахъ“, стр. 649—655). По мнѣнію же Сменцовскаго, Типогр. школа открылась, повидимому, не ранѣе 1682 года. Такъ, на стр. 39-й своего обширнаго труда: „Бр. Лихуды“, онъ говоритъ, что „патр. Іоакимъ, какъ только представилась возможность, постарался открыть въ Москвѣ школу „греч. языка и писанія“, въ которой надѣялся найти нѣкоторый противовѣсъ распространенію латинскаго просвѣщенія, представляемаго школой Сильвестра“ (курсивъ нашъ). По смыслу этой фразы выходитъ, что ко времени открытія Типографскаго училища школа Сильвестра уже существовала. (Указъ же объ открытіи школы Сильвестра, какъ отмѣчаетъ на стр. 36—37 и самъ Сменцовскій, послѣдовалъ 15 янв. 1682 г.) На чемъ основано мнѣніе Сменцовскаго, неизвѣстно. Мы склонны разсматривать это мнѣніе просто какъ lapsus linguae.

моея. Его разсказъ объ оскудѣннн на Востокѣ «свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ» имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что царь, «божественнымъ огнемъ по благочестію воспаленъ, возжела тамо умаляемое ученіе здѣ насадити и умножити» ¹⁾. Патріархъ не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и, съ согласія царя, въ верхнихъ палатахъ типографіи, открылъ училище «греческаго языка и писанія» ²⁾.

По составу учебнаго курса и по характеру преподаванія вновь открытое училище представляло изъ себя низшее учебное заведеніе. Ректоромъ его былъ назначенъ іеромонахъ Тимоѳей, а учителями—проживавшіе въ Москвѣ греки: Мануиль Левендатовъ и іеромонахъ Іоакимъ. На первыхъ порахъ въ школу поступило изъ разныхъ сословій всего лишь 30 учениковъ. Скоро, однако, число учащихся значительно увеличилось. Такъ, въ январѣ 1684 года въ школѣ было уже 191 человекъ: 23 ученика греческаго діалекта и 168—славянскаго языка; а въ январѣ 1686 года число учениковъ возрасло до 243 человекъ,—изъ нихъ 67—греческаго писанія и 166—словенскаго ³⁾. Учащіеся раздѣлялись на 2 класса: старшій классъ составляли ученики «греческаго языка и писанія», т.-е. изучавшіе греческую грамматику и письмо; ученики же младшаго класса—«словенскаго языка»,—ограничивались изученіемъ русской гра-

¹⁾ „Историч. извѣстіе о Московской Академіи, сочиненное въ 1726 году отъ справщика Ѳ. Поликарпова“ (напечатано въ „Древней Россійской Вивліюнкѣ“, т. XVI, стр. 295—306.)

²⁾ Впослѣдствіи, когда число учащихся увеличилось, школа изъ типографскаго зданія была переведена въ „новыя каменные палаты“, отстроенныя въ сентябрѣ 1683 г.

³⁾ Сменцовскій, (Бр. Лихуды“, стр. 40, пр. 4—6 (со ссылкой на Дѣла Патр. Каз. Прик.).

моты. Старшій классъ, въ свою очередь, дѣлился на двѣ «статьи». Ученики первой, старшей, статьи изучали греческую грамматику въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ ученики младшей. Во главѣ «статьи» стоялъ «надсматривальщикъ», или староста, выбиравшійся изъ наиболѣе успѣшныхъ и расторопныхъ учениковъ. Онъ наблюдалъ за поддержаніемъ порядка въ школѣ и завѣдывалъ «кормовыми» суммами своей «статьи». Онъ же, по всей вѣроятности, помогалъ въ занятіяхъ младшимъ ученикамъ во внѣклассное время, т.-е. объяснялъ и спрашивалъ уроки.

Содержаніе школы, учителей, и учащихся производилось на средства Патріаршаго Казеннаго Приказа. Такъ, по его записямъ, извѣстно, напр., что ученики первой «статьи» получали по 3 деньги, а ученики второй—по 2 деньги въ день «кормовыхъ» ¹⁾. Кромѣ того, учителя и ученики, при посѣщеніяхъ школы патріархомъ, получали отъ него особья дачи, деньгами или натурою ²⁾, а на Рождество и Пасху сами ходили къ патріарху «славить», за что получали «славленное».

Какъ несомнѣнный результатъ побѣды греческой партіи надъ латинской, Типографская школа, естественно, вызывала радость всѣхъ, сочувствовавшихъ греческому просвѣщенію. Даже самъ царь Θεодоръ Алексѣевичъ, если вѣрить свидѣтельству Θεодора Поликарпова, не-

¹⁾ Ibid, стр. 41, пр. 2.

²⁾ Такъ, напр., подъ 15 января 1684 г. въ запискахъ Патр. Каз. Пр. значится: „Св. патр. ходилъ въ школу, гдѣ учатся греческаго и словенскаго книжнаго ученія и писанія ученики, и, по указу св. патріарха, куплено и дано греч. діалекта ученикомъ, словенскому учащимся, 23 челоуѣкамъ, по калачу двуденежному; словенскаго языка ученикомъ которые учатся словесному и писать, 168 чел., по денежному калачу“. (Дѣла Патр. Каз. Пр., № 111; Забѣлинъ, „Матеріалы для ист. археол. и статистики г. Москвы“, стр. 1114.)

смотря на свои симпатіи къ латинскому образованію, сильно заинтересовался школой. «Невозможно изобразить, — говоритъ Поликарповъ, — какъ заботились о ней самъ благочестивѣйшій государь и патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію, и порознь и вмѣстѣ, и явно и тайно, чтобы утѣшиться новымъ и неслыханнымъ дѣломъ, надѣляли учащихся одеждою и червонцами и прочими привилегіями» 1). Съ радостію было принято и на Востокѣ извѣстіе объ открытіи въ Москвѣ греческаго училища. Въ 1682 г. іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ царю: «благодаримъ Господа Бога, яко во дни святаго вашего царствія благоволили быти въ царствующемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ, еллины бяхе святіи отцы, еллински написася дѣянія святыхъ соборовъ и святыхъ отцовъ писаніе и всѣ святыя церкви книги. И сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ греческій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно; и наипаче, дабы отдалены были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества» 2).

Типографская школа просуществовала до конца 1687 года, когда ученики ея были переведены въ Академію Лихудовъ.

Успѣхи греческой партіи, само собой, должны были вызвать со стороны ихъ противниковъ не менѣе энергичную дѣятельность. Въ то время, какъ патріархъ Іоакимъ, стараясь «утвердить и умножить» греческое ученіе въ Москвѣ, принималъ живѣйшее участіе въ Типографской школѣ, въ ея поддержкѣ и расширеніи, пар-

1) „Историч. извѣстіе о Моск. Акад.“, стр. 296—297.

2) Смирновъ, „Истор. Моск. Акад.“, стр. 10.

тія Медвѣдева настойчиво стремилась провести своихъ кандидатовъ на должности блюстителя и учителей будущей Академіи.

Ближайшимъ поводомъ къ тому послужило прибытіе въ Москву, въ 1681 году, ученаго кальвиниста Яна Бѣлободскаго съ предложеніемъ русскому правительству услугъ въ качествѣ профессора проектируемой Академіи. Принадлежа къ разряду тѣхъ людей, которые мѣняютъ свои убѣжденія и вѣрованія смотря по требованію минуты, Бѣлободскій, въ случаѣ назначенія его профессоромъ, соглашался принять православіе и даже монашество. Чтобы устранить этого неожиданнаго конкурента, Медвѣдевъ, въ челобитной, поданной царю 19-го мая 1681 г. отъ имени Негребецкаго, выступилъ съ обличеніемъ вѣроисповѣдной неблагонадежности Бѣлободскаго. «Не даждь вѣры, — писалъ онъ, — прелестному крещенію его: яко онъ не крещается, но насмѣвается вѣрѣ нашей крещеніемъ симъ. Не даждь монашеству его вѣры: яко таковымъ же монашествомъ прежде и начальникъ ихъ Люторъ и инья тоя ереси еретики прелщаше люди»... 1). Въмѣстѣ съ тѣмъ Медвѣдевъ рекомендуетъ царю лицъ, которымъ дѣйствительно можно вѣрить Академію. Это—игумень добромысльскій Елисей Карабчикеевичъ, скитскій іеромонахъ Гавалевичъ, игумень любельскій Монастырскій (Иннокентій) и мірянинъ Терновскій. Этимъ лицамъ, — говоритъ Медвѣдевъ, — «науку вручити безопасно и стадо Христово вѣрити возможно». Вскорѣ затѣмъ Медвѣдевъ представилъ царю на утвержденіе и Академическую Привилегію 2). Од-

1) Каптеревъ, „О гр.-лат. школ.“, стр. 659.

2) Къ этому времени Привилегія уже выдержала цензуру патр. Іоакима. Поправокъ его Медвѣдевъ, конечно, измѣнить не могъ, но онъ, по мнѣнію Сменцовскаго, тогда именно, въ § 3-мъ, съ цѣлью

нако, его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Царь, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не утвердилъ Привилегіи, и Медвѣдевъ, вмѣсто управленія Академіей, долженъ былъ ограничиться скромной ролью учителя «словенскаго языка» въ школѣ, которая была построена въ Спасскомъ монастырѣ, по царскому указу отъ 15-го января 1682 года.

Прямой задачей этой школы было обученіе грамотѣ. Но Медвѣдевъ старался, насколько позволяли обстоятельства, расширить программу преподаванія, и къ славянской грамотѣ прибавилъ изученіе латинскаго языка и риторики. Лучшіе его ученики настолько успѣвали въ этихъ наукахъ, что, въ торжественныхъ случаяхъ, даже говорили «ораціи» св. патріарху.

Неизвѣстно, какъ долго существовала школа Медвѣдева. Повидимому, она была закрыта, подобно Типографской, въ концѣ 1687 года.

Открытіе Типографскаго училища, такъ же какъ и училища Медвѣдева, далеко, конечно, не разрѣшало школьнаго вопроса во всей его полнотѣ. И та и другая были лишь элементарными школами, тогда какъ требовалось устроить высшее учебное заведеніе, которое могло-бы служить цѣлямъ широкаго научнаго образо-

уравнять грековъ съ южно-руссами въ правахъ на занятіе академическихъ должностей, собственноручно сдѣлавъ слѣдующее добавленіе: „Такожде тіи (греки) и въ Россіи да будутъ крѣпцы въ вѣрѣ свидѣтельствованы, дабы кто изъ нихъ такожде не содѣлахъ, яко же прежде еретикъ Ісідоръ, Россійскій митрополитъ, иже отъ цареградскаго патріарха и отъ прочихъ съ свидѣтельствомъ достовѣрнымъ и съ велиемъ похваленіемъ къ Москвѣ на митрополию пріѣха, а послѣжде на Флоренскомъ соборѣ съ папою римскимъ согласенъ явися“. (Бр. Лихуды“, стр. 35—36.) Но, по мнѣнію Каптерева, эта вставка внесена Медвѣдевымъ въ 1685 г., когда онъ подносилъ Привилегію на утвержденіе царевны Софьи. („О гр.-лат. шк.“, стр. 665—666.)

ванія. Такимъ образомъ, жгучій вопросъ объ устройствѣ Академіи, попережнему, оставался открытымъ.

Послѣ смерти Феодора Алексѣевича опять возобновились попытки заинтересованныхъ лицъ склонить правительство на свою сторону въ разрѣшеніи школьнаго вопроса. Такъ, въ ноябрѣ 1682 года, ученикъ Епифанія, іеромонахъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ представилъ царевнѣ Софьѣ просьбу въ стихахъ о водвореніи наукъ въ Россіи. Но такъ какъ самъ Каріонъ Истоминъ не имѣлъ высшаго образованія и, слѣдовательно, не могъ быть ректоромъ или профессоромъ Академіи, то и просьба его не имѣла никакихъ результатовъ. Съ своей стороны, и латинская партія, надѣясь на сочувствіе правительницы, возобновила притязанія на руководительство дѣломъ русскаго просвѣщенія. 24 января 1685 года Сильвестръ Медвѣдевъ, чрезъ Шакловитаго, поднесъ царевнѣ Привилегію вмѣстѣ съ стихотворной просьбой объ ея утвержденіи. Но и на этотъ разъ старанія Медвѣдева оказались безуспѣшными. Вопросъ о высшей школѣ, о ея направленіи и учителяхъ правительствомъ былъ уже рѣшенъ, и притомъ рѣшенъ въ смыслѣ, желательномъ для греческой партіи. Въ мартѣ того же 1685 года въ Москву прибыли съ Востока давно ожидаемые учителя, братья Лихуды.

III. Академія при Лихудахъ (1687—1694).

Біографія Лихудовъ.—Вызовъ и прибытіе ихъ въ Москву.—Богоявленская школа.—Открытіе Академіи въ 1687 г.—Учащіеся въ Академіи, ихъ число и составъ.—Дѣленіе на классы.—Составъ учебнаго курса.—Учебники.—Библіотека.—Школьные обычаи и порядки.—Матеріальныя средства Академіи.

Братья Іоанникій и Сафроній Лихуды были родомъ изъ Кефалоніи и, если вѣрить ихъ автобіографіи, принадлежали къ старинной, но об'єднѣвшей, княжеской фамиліи ¹⁾. Отецъ ихъ обладалъ, однако, достаточными средствами, чтобы дать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Сначала Лихуды учились въ Венеціи, подъ руководствомъ извѣстнаго тогда ученаго, Герасима Влаха, а потомъ, въ теченіе 9 лѣтъ, слушали лекціи въ Па-

¹⁾ По свидѣтельству греческихъ лѣтописцевъ: Зонары, Мих. Глика, Іоанна Куропалата, князя Лихуды въ XI вѣкѣ занимали высшія государственныя должности въ Византіи. Одинъ изъ нихъ, Константинъ (предокъ Іоанникія и Сафронія), былъ даже женатъ на дочери императора Константина Мономаха. По смерти жены онъ принялъ монашество и съ 1059 по 1063 г. занималъ патріаршую кафедру. Въ 1154—1156 г. видимъ еще одного Лихуда въ санѣ патріарха—Константина IV. Во 2-й половинѣ XV вѣка двое изъ Лихудовъ, братья Григорій и Матвѣй, „отъ гоненія турскаго“ бѣжали изъ Константинополя въ Кефалонію. Отъ правнука Матвѣя, Марка, и родились „самобратія Лихудіевы“—Іоанникій, въ мѣрѣ Иванъ (1633 г.), и Сафроній, въ мѣрѣ Спиридонъ (1652 г.) Неизвѣстно, какое общественное положеніе занималъ Маркъ Лихудъ. Повидимому, это положеніе нельзя было назвать блестящимъ для представителя стариннаго княжескаго рода.

дуанскомъ университетѣ, гдѣ и получили докторскіе дипломы. По возвращеніи на родину, оба брата приняли монашество и нѣсколько лѣтъ занимались педагогической и проповѣднической дѣятельностью въ разныхъ городахъ Греціи.

Въ 1683 году Іоанникій и Сафроній отправились въ Константинополь «благословенія ради ко вселенскимъ патріархамъ». Въ это время іерусалимскій патріархъ Досіеѣй получилъ отъ московскаго патріарха Іоакима письмо съ просьбой прислать для московской школы надежнаго учителя изъ грековъ. По предложенію Досіея, восточные патріархи и рѣшили послать въ Москву такъ кстати явившихся къ нимъ ученыхъ братьевъ. Лихуды согласились ¹⁾.

Но прежде чѣмъ ѣхать въ Россію, они должны были представить патріархамъ «исповѣданіе вѣры, яко суть православніи». Съ той же цѣлью испытанія въ православіи, въ теченіе 5 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Константинополѣ, ихъ неоднократно заставляли, въ присутствіи

¹⁾ Нужно замѣтить, что свидѣтельство Досіея и показанія самихъ Лихудовъ о вызовѣ ихъ въ Москву нѣсколько расходятся между собой. Патр. Досіея въ грамотѣ Московскимъ царямъ, отъ 1693 года, пишетъ, что Лихуды попали въ Москву по его назначенію, въ отвѣтъ на письмо іеродіакона Мелетія, писавшаго отъ имени патр. Іоакима. Сами же Лихуды, въ своихъ показаніяхъ гетману Самойловичу, Посольскому Приказу и въ сочиненіяхъ: „Акосѣ“, „Мечцѣ“ и „Показаніи истинны“ подчеркиваютъ то обстоятельство, что они явились въ Москву по вызову царя Θεодора Алексѣевича (черезъ дьяка Возницына), избранные „общимъ совѣтомъ“ восточныхъ патріарховъ. Сменцовскій болѣе довѣряетъ свидѣтельству Досіея, выводя отсюда заключеніе, что „ученыхъ братьевъ вызвало въ Москву церковное, а не гражданское правительство, и ему именно принадлежала активная роль въ этомъ важномъ шагѣ. Свѣтское правительство въ этомъ случаѣ дѣйствовало болѣе пассивно, согласившись на неоднократныя, быть можетъ, и усиленныя заявленія патріарха“. („Братья Лихуды“, стр. 56.)

высшихъ духовныхъ властей, произносить поученія въ кафедральномъ храмѣ.

Въ іюлѣ 1683 г. Лихуды выѣхали въ Россію, заручившись рекомендательными грамотами отъ восточныхъ патріарховъ. Дорогой на ихъ долю выпало немало неприятностей. Почти въ самомъ началѣ путешествія, въ Валахіи, имъ пришлось около 9 мѣсяцевъ ждать окончанія войны Австріи съ турками, въ которой принималъ участіе и валашскій господарь, Іоаннъ Кантакувенъ. А когда война кончилась, господарь упросилъ Лихудовъ остаться въ его государствѣ еще на нѣсколько недѣль, выразивъ желаніе послушать ихъ проповѣдей въ теченіе наступившаго великаго поста. Изъ Валахіи, съ рекомендательными грамотами Кантакузена, Лихуды отправились въ Трансильванію, къ Трансильванскому князю Михаилу Апафи. Здѣсь они пробыли еще 3 мѣсяца въ виду завязавшихся ученыхъ споровъ съ мѣстными профессорами богословія. Отсюда Лихуды прибыли въ Польшу и 5 августа 1684 г., въ мѣстечкѣ Залуковіи, представлялись королю Яну Собѣсскому, который шелъ въ то время на войну противъ турокъ. Король принялъ ихъ ласково, но, по проискамъ іезуитовъ, задержалъ при себѣ. Въ силу необходимости, Лихуды должны были слѣдовать за королемъ въ его обозѣ. Во время этого невольнаго похода они неоднократно, въ присутствіи короля и его приближенныхъ, вступали въ богословскіе споры съ іезуитами. Черезъ 3 мѣсяца Янъ Собѣсскій отпустилъ ихъ во Львовъ, щедро наградивъ деньгами. Во Львовѣ Лихуды прожили еще 3 мѣсяца, при чемъ «многая и великая пренія сотвориша» съ знаменитымъ «столпомъ» и гордостью іезуитовъ, Рутко. Предметъ этихъ преній Лихуды потомъ изложили въ сочиненіи: «Діалогъ грека учителя къ нѣкому иезуиту».

Въ виду того, что Рутко и другіе іезуиты всячески старались задержать ихъ на пути и не пускать въ Россію, Лихуды, въ январѣ 1685 г., тайно бѣжали изъ Польши и «вмалѣ не мертви» прибыли въ Межигорскій монастырь (Кіевской губ.). Отсюда они отправились въ Ватуринъ, гдѣ получили отъ гетмана Малороссіи, Ивана Самойловича, проѣздной листъ въ Москву, куда, наконецъ, и прибыли 6 марта 1685 года, послѣ 20-тмѣсячнаго путешествія.

Черезъ 3 дня Лихуды уже представлялись дарямъ Ивану и Петру и говорили имъ рѣчи; одинъ по-гречески, а другой по-латыни. 14 марта послѣдовалъ царскій приказъ временно предоставить Лихудамъ помѣщеніе въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ, а на содержаніе выдавать ежедневно по двѣ гривны, да «въ пріѣзду» по шести рублей и по сорока соболей каждому. Черезъ недѣлю, по челобитной Лихудовъ, послѣдовало новое распоряженіе перемѣстить ихъ въ Чудовъ монастырь и «давать имъ изъ монастырскихъ доходовъ пищу и питіе противъ четырехъ того монастыря братій, а жалованья изъ Приказу Большія Казны по 15 алтынъ на день» ¹⁾. Однако, и это помѣщеніе братья нашли неудобнымъ. Тогда указомъ отъ 29 марта велѣно было, на средства казны, построить для Лихудовъ особыя деревянныя келіи «въ Богоявленскомъ монастырѣ, что за Ветошнымъ рядомъ».

Устроившись здѣсь, Лихуды немедленно приступили къ занятіямъ. По свидѣтельству Θεодора Поликарпова, на первыхъ порахъ у нихъ было только 6 учениковъ, переведенныхъ изъ высшаго класса Типографской школы, а именно: Алексѣй Кирилловъ, Николай Семеновъ,

¹⁾ Смирновъ, „Истор. Моск. Ак.“, стр. 23.

Феодоръ Поликарповъ, Феодотъ Агтеевъ, Иосифъ Афанасьевъ и чудовскій монахъ Іовъ ¹⁾). Всѣ они, до постройки отдѣльнаго помѣщенія для школы, обучались, повидимому, въ кельяхъ самихъ Лихудовъ. Къ концу 1685 года, когда было выстроено отдѣльное школьное зданіе, число учениковъ Богоявленской школы значительно увеличилось. Такъ, въ концѣ декабря ихъ было 28 человекъ ²⁾, а въ январѣ слѣдующаго года насчитывалось 33 ученика ³⁾. Дѣятельностью Лихудовъ, видимо, сильно интересовались. Это видно изъ того, что патріархъ неоднократно посѣщалъ Богоявленскую школу.

Однако, Богоявленская школа, по своимъ скромнымъ размѣрамъ, далеко не отвѣчала видамъ правительства. Она имѣла лишь временное значеніе. Поэтому, лѣтомъ 1686 г. послѣдовало распоряженіе приступить къ постройкѣ новаго зданія для Академіи ⁴⁾. Не позже 12 ок-

¹⁾ „Историч. извѣстіе о Моск. Акад.“, стр. 298.

²⁾ Указаніе на эту цифру находимъ въ дѣлахъ Патр. Каз. Приказа, № 118 (Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы“, стр. 1042): „194 г. декабря 26, Св. патріархъ пожаловалъ въ Крестовой греческихъ высокихъ наукъ учителямъ, которые учатъ учениковъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ школѣ греко-латинскому книжному писанію, грекоіеромонахомъ Аникію, Софронію, что они со учениками своими славили и святѣйшему патріарху говорили поздравительныя рѣчи, по 5 руб., ученикамъ 2 чел. по 2 руб., 9 чел. по 1 р., 17 чел. по 16 алт. по 4 деньга“...

³⁾ Именно: домовою іеромонахъ патріарха Иларіонъ, два іеродіакона: Іовъ и Палладій Роговъ, одинъ писецъ, шесть человекъ старшихъ и 23 человекъ младшихъ. (Дѣла Патр. Каз. Пр., № 118; Забѣлинъ, „Матеріалы“, стр. 401.)

⁴⁾ Нуждаясь въ деньгахъ, правительство рѣшило употребить на постройку академическаго зданія часть капитала, оставшагося послѣ смерти іеродіакона Мелетія (того самаго, который, отъ имени патр. Іоакима, писалъ патріарху Досіею о присканіи учителей на Востокъ). Изъ 4305 руб. 30 алтынъ, завѣщанныхъ Мелетіемъ Лихудамъ на дѣла благотворительности, около половины (2050 руб.), по

тября слѣдующаго года академическое помѣщеніе было уже готово ¹⁾. Оно представляло изъ себя «каменное трехъэтажное зданіе, длиною 15, шириною 5 саж. и 2 арш., вышиною болѣе 6 саж. Переднимъ фасадомъ оно обращено было къ городской стѣнѣ, а на сторонѣ, обращенной къ монастырю, опоясано было хорами. Смежный корпусъ, расположенный къ востоку въ связи съ зданіемъ Академіи, назначался для помѣщенія ректора и учителей. Послѣдній корпусъ былъ о двухъ этажахъ и шелъ до самаго Никольскаго греческаго монастыря. Въ мѣстѣ соединенія двухъ корпусовъ, въ углу, образовавшемся отъ выступа зданія академическаго, построена была башня, называвшаяся послѣ звонковою; въ ней устроены были лѣстницы, ведшія на хоры верхняго и средняго этажей, съ хоръ двери вели въ классы. Хоры были деревянные, шириною въ 5 арш., и утверждались на каменныхъ столбахъ. Оконъ въ среднемъ и верхнемъ этажѣ было по 14. Все зданіе было со сво-

указу патріарха, пошло на постройку Академіи. Кромѣ Мелетіевыхъ, были употреблены и другія средства: изъ суммъ Приказа книгъ печатнаго дѣла—500 руб. и изъ суммъ Патр. Каз. Приказа—100 р. Наконецъ, устройству Академіи помогаль деньгами и совѣтами могущественный тогда князь В. Голицынъ. Такимъ образомъ, вся постройка академическаго зданія обошлась не менѣе, какъ въ 2650 руб. На наши деньги это составитъ около 45000 руб.

¹⁾ Въ дѣлахъ Патр. Каз. Пр., подъ № 127 (Забѣлинъ, „Материалы“, стр. 402), значится: „196 года сент. 9, по указу Св. патріарха, Богоявленскаго монастыря, что въ Китаѣ за Ветошнымъ рядомъ, архимандриту Никифору за достройку каменныхъ школьныхъ палатъ, которыя строятъ въ Китаѣ, подлѣ Спасскаго монастыря, 100 руб. дано“. Въ тѣхъ же „Дѣлахъ“ (Забѣлинъ, стр. 393), записано: „196 года октября 12, Св. патріархъ ходилъ въ *новостроенныя* каменныя школы, что строены въ Китаѣ, подлѣ Спасскаго монастыря“. Изъ этихъ записей видно, что академическое зданіе было отстроено въ промежутокъ времени между 9 сентября и 12 октября 1687 года.

дами. Средина второго яруса занята была огромною залою, украшенною каедрой и портретомъ царя Θεодора. Эта зала назначена для публичныхъ собраній, для диспутовъ»¹⁾).

Нельзя съ точностью указать, когда именно Лихуды перешли со своими учениками въ это новое помѣщеніе. Извѣстно только, что ни въ коемъ случаѣ не позже 28 декабря 1687 г. Въ этотъ день, какъ значится въ записяхъ Патр. Каз. Приказа, Лихуды, со своими учениками, приходили въ патріаршую Крестовую палату славить Христа и привѣтствовать патріарха уже изъ «Спасскихъ школъ, что въ Китаѣ, за Иконнымъ рядомъ»²⁾). Такимъ образомъ, *открытие Славяно-Греко-Латинской Академіи послѣдовало въ концѣ 1687 года, въ періодъ времени между 12 октября и 28 декабря.*

Съ переходомъ въ новое помѣщеніе, число учениковъ у Лихудовъ значительно увеличилось. Прежде всего, сюда были переведены ученики Типографской школы; возможно, что и нѣкоторые изъ учениковъ школы Медвѣдева тоже перешли въ Академію; наконецъ, нашлись и другіе охотники «всякаго чина царствующаго града Москвы». Впрочемъ, у многихъ, поступившихъ въ Академію, скоро, повидимому, пропала охота учиться. Такъ, къ Рождеству 1687 года въ Академіи числилось учащихся 81 человекъ, но уже къ Пасхѣ 1688 года число это сократилось до 64, а къ Рождеству 1689 года въ Академіи осталось только 54 ученика³⁾).

По соціальному положенію составъ учащихся былъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ «Показаніи Истины» инокъ Евеймій такъ характеризуетъ составъ учениковъ

1) Смирновъ, „Ист. М. Акад.“, стр. 40.

2) Дѣла Патр. Каз. Пр., № 127; Забѣлинъ, „Матер.“, стр. 1044.

3) Сменцовскій, „Бр. Лихуды“, стр. 70 и 71.

Академіи: «иніи суть священники, ієродіаконы и монаси, иніи же князи, спальники, стольники и всякаго чина сего царствующаго града Москвы» ¹⁾. Дѣйствительно, на ряду съ лицами лучшихъ аристократическихъ фамилій (князья Одоевскіе, князь Голицынъ и др.), мы встрѣчаемъ въ Академіи челядинцевъ и сына конюха ²⁾.

Слѣдуя принципу постепенности въ сообщеніи ученикамъ научныхъ знаній, Лихуды раздѣлили учащихъ на три класса, или школы: верхнюю, (*suprema*) среднюю (*media*) и нижнюю (*infima*). Каждый классъ, въ свою очередь, подраздѣлялся на два отдѣленія, или статьи. Кроме того, въ качествѣ приговорительнаго класса, при Академіи была такъ называемая «русская школа», или «школа словенскаго книжнаго писанія». Во главѣ ея стояли «старосты», бывшіе ученики Типографской школы: сначала Феодоръ Никитинъ, а потомъ Максимъ Григорьевъ Логиновъ и Василій Ивановъ. Въ декабрѣ 1687 года въ «русской школѣ» числилось 23 ученика, въ апрѣлѣ 1688 г.—100, а въ декабрѣ 1689 г.—127 учениковъ ³⁾.

¹⁾ Сменцовскій, „Бр. Лихуды“, стр. 70 и 71.

²⁾ Сменцовскій приводитъ интересныя, въ этомъ отношеніи, показанія двоихъ изъ учениковъ Академіи: 1) „Михаилъ Михайловъ, родомъ татаринъ. Былъ купленъ у старца Мелетія и послѣ Мелетіевой смерти служить повольно у учителей въ келейникахъ и учится грамотѣ, а нынѣ ѣдетъ для наученія совершеннаго въ Венецію“. 2) „Петрушкою зовуть,—показывалъ другой ученикъ Академіи, Степановъ,—родомъ Переяславля Рязанскаго, Спасскаго монастыря конюховъ сынъ. Къ Москвѣ пришелъ въ прошломъ году въ августѣ мѣсяцѣ и присталъ въ школу къ учителямъ греческимъ и учился у нихъ грамотѣ, и тѣ учителя отдали его для работы пріѣзжему епископу Арсенію, который сосланъ въ Спасскій монастырь, и жилъ-де у того епископа недѣли съ три“ („Бр. Лихуды“, стр. 71, со ссылкой на Греч. дѣла Арх. Мин. Ин. Дѣль).

³⁾ Сменцовскій, „Бр. Лихуды“, стр. 72.

Итакъ, курсъ Академіи начинался обученіемъ русской грамоты въ приготовительномъ классѣ. Послѣ этого ученики въ низшей школѣ изучали «греческое книжное писаніе», т.-е. получали первыя элементарныя свѣдѣнія изъ греческой грамматики. По всей вѣроятности, эти свѣдѣнія не шли дальше умѣнья читать и писать. Къ болѣе основательному изученію грамматики переходили въ средней школѣ. Грамматикой начинался курсъ свободныхъ наукъ. Лихуды начали его еще въ Богоявленской школѣ. Въ апрѣлѣ 1688 года ученики верхней школы стали изучать риторику. Изученіе шло настолько успѣшно, что на Рождество слѣдующаго года ученикъ Іосифъ Афанасьевъ и семеро его товарищей уже привѣтствовали патріарха «ораціями» собственнаго сочиненія. 17 марта 1690 года Софроній Лихудъ началъ читать логику и до 11 августа слѣдующаго года прочиталъ обширное введеніе въ эту науку. За логикой слѣдовалъ курсъ физики («естественной философіи»), и, наконецъ, въ 1693 году Лихуды начали преподаваніе піитики. Курса богословія они прочесть не успѣли. Составленная ими система схоластическаго богословія, о которой упоминаетъ Филаретъ Черниговскій (въ «Обзорѣ рус. дух. лит.», т. 1, стр. 262—263) и Смирновъ (Ист. М. Ак., стр. 65), относится, повидимому, уже къ новгородскому періоду ихъ дѣятельности. Грамматику и піитику Лихуды преподавали на одномъ греческомъ языкѣ, а риторику, логику и физику—на греческомъ и латинскомъ. Такимъ образомъ, Лихуды, будучи защитниками греческаго образованія, не изгоняли изъ Академіи и латинскаго языка,—только ему была отведена второстепенная роль, такъ что господствующимъ элементомъ въ преподаваніи былъ, во всякомъ случаѣ, элементъ греческій, и Академія, въ документахъ того времени, по

справедливости называлась «Греческими школами» или «Еллино-славянскими школами».

Преподаваніе въ Академіи шло по учебникамъ, составленнымъ самими Лихудами. Изъ обзорнія этихъ учебниковъ нетрудно убѣдиться, что схоластическое образованіе, полученное Лихудами, они перенесли и въ Московскую Академію. Главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ и физикѣ былъ, конечно, Аристотель. Слѣдуя этому «свѣтильнику вселенной, вождю и главѣ философіи», Лихуды удержали въ своихъ руководствахъ всѣ особенности схоластическихъ приемовъ тогдашнихъ аристотелевскихъ учебниковъ. Внѣшность изложенія, схоластическая искусственность съ причудливой пестротой дѣлений и подраздѣлений являются отличительной чертой каждаго ихъ учебника.

За время своего пребыванія въ Академіи Лихуды успѣли составить 3 учебника по грамматикѣ и по 1 учебнику пѣтики, риторики, логики, психологіи и физики.

Такъ какъ курса психологіи Лихуды ученикамъ Академіи не читали, и самый учебникъ по этой наукѣ былъ составленъ Іоанникіемъ въ Венеціи для какого-то частнаго лица, то мы и не будемъ его разсматривать. Что же касается остальныхъ перечисленныхъ руководствъ, то мы постараемся дать здѣсь самый краткій ихъ обзоръ ¹⁾.

Какъ уже сказано, по грамматикѣ до насъ дошло три учебника.

Краткая Греческая Грамматика, въ 3 частяхъ, 1687 года. Составлена, главнымъ образомъ, по грамматикѣ Константина Ласкаря, изданной въ Венеціи 1673 г. Изрѣдка встрѣчаются заимствованія еще изъ Трифона

¹⁾ Подробный разборъ учебниковъ, составленныхъ Лихудами, интересующіеся найдутъ въ трудѣ Смирнова: „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“, М. 1855.

Грамматика, которымъ пользовался и самъ Ласкаръ. Краткая Грамматика предназначалась для начинающихъ, въ виду чего изложена методомъ сократическимъ, какъ наиболѣе простымъ и понятнымъ. Кромѣ того, первая глава снабжена надстрочнымъ славянскимъ переводомъ греческаго текста.

Въ трехъ частяхъ кратко излагаются элементарныя свѣдѣнія по греческому языку, необходимыя учащимся для того, чтобы перейти къ болѣе подробному изученію греческой грамматики. Въ 1-й части говорится: о произношеніи буквъ, объ именахъ, о родахъ, видахъ и принадлежностяхъ и т. д.; во 2-й части—о согласованіи частей рѣчи; о видахъ глаголовъ; 3-я часть трактуетъ объ удареніяхъ, о частицахъ энклитическихъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ измѣненіи словъ.

Пространная Греческая Грамматика, въ 2-хъ частяхъ. Служила руководствомъ для учениковъ риторики. Такъ же, какъ и краткая грамматика, составлена по Ласкарису, но, при этомъ, Лихуды каждое правило снабдили своими объясненіями и примѣчаніями.

Въ 1-й части подробно и обстоятельно изложены правила о восьми частяхъ рѣчи, о формахъ склоненій и спряженій, о произношеніи гласныхъ, объ удареніяхъ, объ энклитическихъ частицахъ, объ особенностяхъ въ измѣненіи словъ и приведенъ полный списокъ неправильныхъ глаголовъ съ происходящими отъ нихъ словами. Во 2-й части, синтаксисъ, подробно излагаются правила о согласованіи восьми частей рѣчи. Въ заключеніе говорится о барбаризмахъ, солецизмахъ, объ особыхъ родахъ словосочиненія и т. п.

Латинская Грамматика, въ 3 частяхъ. Составлена, по словамъ Лихудовъ, на основаніи всѣхъ источниковъ, выходившихъ въ Греціи и Италіи. Изъ предисловія вид-

но, что эту грамматику предполагалось написать на латинскомъ, греческомъ, славянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Но дошедшій до насъ 1-й томъ ея (первая часть и двѣ главы второй) написанъ только на латинскомъ языкѣ съ параллельнымъ греческимъ переводомъ.

Въ томъ же предисловіи дается краткій обзоръ содержанія всѣхъ трехъ частей грамматики. «Сіи уроки, — говорится тамъ, — раздѣлены на три части по числу трехъ классовъ... Первая часть Грамматики назначается для перваго низшаго класса и содержитъ въ себѣ склоненіе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, именъ неправильныхъ и мѣстоименій; далѣе спряженіе глаголовъ; потомъ основныя понятія объ осьми частяхъ рѣчи; 14 правилъ изъ синтаксиса, и, наконецъ, о труднѣйшихъ родахъ именъ. Для втораго класса инфимы назначаются двѣ послѣднія главы первой книги—о прошедшихъ временахъ глаголовъ и сушинахъ; въ этомъ же классѣ будетъ преподаваться введеніе въ синтаксисъ и семь главъ изъ него о словосочиненіи, именно: о сочиненіи глаголовъ дѣйствительнаго, страдательнаго, средняго, общаго, отложительнаго и безличнаго. Для средняго класса отдѣляются прибавленія перваго рода, потомъ 12 главъ изъ второй книги, именно: вообще о словосочиненіи всѣхъ глаголовъ, о сочиненіи неопредѣленнаго глагола, герундій, супинъ, причастій, имени, мѣстоименія, числительнаго количественнаго, предлоговъ, нарѣчій, междометій и союзовъ. Наконецъ, для высшаго класса остаются прибавленія ко второй части и четыре послѣднія главы сей части, именно: о конструкціи фигуральной, о барбаризмѣ, о темнотѣ и другихъ недостаткахъ красоты рѣчи. Къ сему присоединяется третья часть Грамматики о размѣрѣ рѣчи съ прибавленіями. Замѣчанія, особенно заключающіяся въ первой части,

назначаются для однихъ наставниковъ, дабы они узнали изъ нихъ способы легчайшаго объясненія правилъ ученикамъ. А исключенія и схолиі годятся и для учениковъ; впрочемъ, схолиі заставляютъ учить наизусть не нужно, а только объяснять и повторять имъ чаще» 1).

Особенностью этой Грамматики является то, что въ ней указано семь родовъ въ именахъ, а именно: мужскій, женскій, средній, общій, всякій, смѣшанный и неизвѣстный. Дошедшій до насъ 1-й томъ Грамматики, хотя и предназначенъ для ячинающихъ, но уже знакомитъ (въ примѣрахъ) съ именами лучшихъ классическихъ писателей. «Можно заключить изъ этого,—говоритъ Смирновъ,—что послѣдняя часть Грамматики, назначенная для высшаго класса, должна бы хорошо познакомить учениковъ съ духомъ классической древности».

Учебникъ Пѣитики, подобно Краткой Греческой Грамматикѣ, изложенъ сократическимъ методомъ. Онъ раздѣляется на 2 части. Въ первой говорится о свойствахъ слоговъ, о поэтическомъ видоизмѣненіи всѣхъ частей рѣчи, о стопахъ и стихосложеніи. Вторая часть содержитъ прибавленія о различныхъ видахъ стопъ. Примѣры для объясненія правилъ взяты мѣстами изъ Гомера, но большею частью приводятся стихи духовнаго содержанія, изъ которыхъ многіе составлены самими Лихудами. Какъ во всякомъ схоластическомъ учебникѣ, въ Пѣитикѣ масса дробленій, на примѣръ—при сообщеніи понятій о размѣрѣ стихотворной рѣчи, о стихосложеніи сафическомъ, анакреонтическомъ, о пиндаровыхъ строфахъ, антистрофахъ и эподахъ и т. п.

Учебникъ Риторики имѣетъ такое длинное и витіеватое заглавіе: «Чертогъ царственнаго краснорѣчія, или

1) Смирновъ, „Ист. М. А.“, стр. 48—49.

упражненія, умозрѣнія и опыты риторическіе, яснѣйшее изложеніе всей риторической силы. Сочиненіе грѣшнаго іеромонаха Іоаннікія Лихуда». Собственно, курсъ риторики написанъ Софроніемъ, во время путешествія Іоаннікія въ Венецію, а потомъ, въ 1712 году, Іоаннікій сдѣлалъ съ него списокъ для своего училища въ Новгородѣ. Этимъ и объясняется, почему имя Іоаннікія попало въ заголовокъ «Чертога». По свидѣтельству Ѳ. Поликарпова, Лихуды читали риторикѣ на двухъ языкахъ: греческомъ и латинскомъ.

Мы нѣсколько подробнѣе остановимся на разборѣ этого учебника, такъ какъ въ немъ особенно замѣтно сказалось схоластическое направленіе науки, господствовавшее въ то время.

Главнымъ источникомъ для Риторики служилъ, конечно, Аристотель. «Сію преславную и преползную Риторикѣ, — пишетъ Софроній въ предисловіи, — мы намѣрены объяснить теперь, а слѣдовать будемъ Аристотелю»... Кромѣ того, у Софронія была подъ руками Риторика Франческо Скуффи, изданная въ Венеціи въ 1681 году.

Послѣ вступительныхъ понятій о стихіяхъ Риторики, о ея достоинствѣ и пользѣ, Софроній даетъ опредѣленіе этой науки. «Платонъ называлъ риторикѣ душеводительницей, Аристотель называлъ ее силою и способностью усматривать въ предметѣ то, что способствуетъ къ убѣжденію, а мы опредѣляемъ ее такъ: риторика есть наука, или искусство, научающее говорить хорошо, правильно и красиво». Нужно отдать справедливость, опредѣленіе это — безъ обычной схоластической напыщенности, въ высшей степени просто и понятно.

За опредѣленіемъ слѣдуетъ дѣленіе риторики на части. Здѣсь уже въ полной силѣ сказалась схоластиче-

ская искусственность. По примѣру Скуффи, Софроній указываетъ пять главныхъ частей: изобрѣтеніе, краснорѣчіе, расположеніе, соображеніе и произношеніе. Первая часть, въ свою очередь, раздѣляется на 2 части: изобрѣтенія внутреннія, и изобрѣтенія внѣшнія; каждая изъ этихъ частей подраздѣляется на 16 отдѣловъ, причемъ для каждаго изъ этихъ 16 отдѣловъ существуютъ еще особыя подраздѣленія. Во 2-й части говорится о тропахъ, фигурахъ словъ и мыслей, о періодахъ и хріяхъ. Въ 3-й—о расположеніи и частяхъ ораторской рѣчи, о вступленіи, повѣствованіи, силлогизмѣ, наведеніи, эпилогахъ и т. п. Въмѣсто 4-й части, въ Риторикѣ вставленъ трактатъ, въ которомъ указаны правила, какъ писать похвальные слова: панегирики, слова благодарственные, на побѣду надъ врагами, на прибытіе пословъ, коронованіе царей и слова надгробныя. Нужно замѣтить, что Софроній, при всемъ преклоненіи предъ Аристотелемъ и схоластической наукой, обнаружилъ въ изложеніи Риторики и нѣкоторую самостоятельность. Онъ примѣнялся къ понятіямъ, національному характеру и религіознымъ интересамъ своихъ слушателей, благодаря чему его Риторика отличается отъ современныхъ ему строго-схоластическихъ учебниковъ западныхъ школъ. Слѣдуя Аристотелю, Софроній старался изложить «кратко и сжато тѣ трактаты, которые у онаго несравненнаго мужа изложены слишкомъ обширно». Самостоятельность его шла еще дальше. Въ самомъ началѣ Риторики онъ даетъ раздѣленіе краснорѣчія на божественное, героическое и человѣческое, раздѣленіе, котораго нѣтъ у Аристотеля. Божественное краснорѣчіе, по мнѣнію Софронія, содержится въ Св. Писаніи, у пророковъ и апостоловъ. «Небесная риторика—говоритъ онъ,—совсѣмъ не такъ дѣйствовала, какъ пѣснь баснословнаго Орфея; она пере-

родила волковъ въ агнцевъ и въ звѣрскихъ душахъ язычниковъ воспламенила любовь къ благочестію, цѣломудрію и кротости. Это краснорѣчіе есть языкъ ангеловъ». Краснорѣчіе героическое заключается въ твореніяхъ отцовъ церкви—Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста и др.; а человѣческое—въ произведеніяхъ Демосѣена, Цицерона, Теофраста и другихъ ораторовъ.

Нѣтъ у Софронія и того преклоненія предъ мудростью древнихъ, которое замѣчается у его современниковъ, юго-западныхъ ученыхъ. Риторическія правила онъ объясняетъ, главнымъ образомъ, примѣрами изъ Св. Писанія, библейской исторіи и твореній Св. отцовъ и учителей церкви. «Если бы я захотѣлъ говорить объ изяществѣ и силѣ божественнаго писанія, то никогда не кончилъ бы своей бесѣды,—замѣчаетъ Софроній,—для меня удивительно, почему нѣкоторые, оставивъ эту высокую и полезнѣйшую мудрость, обращаются къ тлѣннымъ произведеніямъ человѣческой мудрости». Иногда Риторика, примѣняясь къ національному характеру учениковъ, приводитъ примѣры изъ русской церковной и гражданской исторіи; попадаются изрѣдка примѣры и изъ самой живой дѣйствительности. Въ заключеніе нужно сказать, что самую задачу обученія риторикѣ Софроній понималъ совсѣмъ иначе, чѣмъ юго-западные схоластическіе ученые. Въ Кіевской Академіи старались, напр., сдѣлать учениковъ, прежде всего, искусными стилистами и ораторами—говорунами,—Софроній же, на ряду съ этимъ, видѣлъ цѣль обученія риторикѣ и въ томъ, чтобы воспитать въ своихъ ученикахъ любовь къ истинѣ и честное направленіе. «Не есть убо, не есть, говоритъ онъ,—яже отъ многихъ мнится быти риторика— тканіе реченій и кругъ периодовъ, хитростнѣ обточенъ.

Риторика есть рѣка великаго ума, яже состоится паче вещей и разумы, неже словцами»...

Такимъ образомъ, въ учебникѣ риторики, несмотря на его схоластическій характеръ, замѣтны попытки (правда, очень слабыя) поставить науку въ прямое отношеніе къ потребностямъ жизни и времени.

То же самое мы видимъ въ учебникахъ логики и физики.

Учебникъ Логики, дошедшій до насъ, составленъ Софроніемъ, и озаглавленъ такъ: «Иеромонаха Софронія Лихуда яснѣйшее изложеніе всего логическаго дѣйствованія». Учебникъ этотъ представляетъ изъ себя комментарий на логику Аристотеля и на введеніе въ логику Порфирія; кромѣ того, на немъ замѣтно вліяніе лекцій Герасима Влаха, учителя Лихудовъ. Но, какъ и въ Риторикѣ, Софроній и въ лекціяхъ по логикѣ проявилъ нѣкоторую оригинальность. «Въ изложеніи во всемъ послѣдуемъ Аристотелю,—говоритъ онъ въ предисловіи,—впрочемъ, что у него изслѣдовано полно, мы представимъ въ сокращеніи, дабы облегчить учащимся». Сокративъ Аристотеля, Софроній измѣнилъ нѣсколько и самый порядокъ его изслѣдованій.

Какъ выше сказано, Софроній по логикѣ успѣлъ прочитать своимъ ученикамъ только введеніе въ эту науку. Введеніе раздѣляется на 3 части. Первая часть состоитъ изъ 7 главъ. Въ гл. 1-й говорится о логическихъ терминахъ, о различныхъ опредѣленіяхъ термина; гл. 2—6 трактуютъ о дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ термина; гл. 7—о качествахъ и количествахъ терминовъ; въ заключеніе дается понятіе объ опредѣленіи, о его видахъ и составныхъ частяхъ. Во 2-й части введенія гл. 1—3 говорятъ о составныхъ частяхъ предложенія, объ имени и глаголѣ, о рѣчи; гл. 4—8—о предложеніяхъ катего-

рических и тропических; гл. 9—10—о предложеніяхъ сложныхъ или условныхъ, о раздѣленіи, о его видахъ и о средствахъ составить правильное дѣленіе. Третья часть трактуетъ объ умозаключеніи (силлогизмъ, наведеніе, примѣръ и энтимена). Введеніе заканчивается подробнымъ изложеніемъ правилъ, которыми должно руководиться при веденіи публичныхъ диспутовъ.

За введеніемъ Софроній говоритъ о раздѣленіи логики на дидактическую и прикладную, о значеніи ея, какъ знанія теоретическаго, о предметѣ логики, о характерѣ знанія.

Далѣе слѣдуютъ «Объясненія и вопросы на введеніе Порфирія». Содержаніе 17-ти главъ этого введенія Софроній излагаетъ въ семи, при чемъ въ концѣ каждой главы касается вопросовъ, оставленныхъ Порфиріемъ безъ изслѣдованія, и даетъ рядъ критическихъ замѣчаній на его положенія¹⁾.

Вообще, о Логикѣ Софронія нужно замѣтить, что она, хотя и является трудомъ далеко не оригинальнымъ и, по содержанію, имѣетъ много общаго со схоластическими учебниками 17 вѣка, но, «какъ первый опытъ этой науки на почвѣ русской, заслуживаетъ одобрительнаго отзыва» (Смирновъ).

Физику, или «Естественную философію», Лихуды преподавали по руководству, составленному Іоанникіемъ въ Венеціи въ 1689 году. Это руководство представляетъ изъ себя толкованіе на физику Аристотеля. «Послѣ того какъ мы съ трудомъ и оцупью прошли глубокія пещеры

¹⁾ Къ курсу логики Софронія присоединены объясненія и вопросы на категоріи Аристотеля и на двѣ первыя главы первой книги послѣднихъ аналитикъ того же философа. Но, по мнѣнію Смирнова, Софроній не могъ быть авторомъ этихъ „объясненій“, такъ какъ они написаны еще въ 1669 году, когда Софронію было только 17 лѣтъ и онъ еще учился въ Падуѣ.

логики, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — теперь, при помощи Св. Духа, переходимъ къ естественной философіи и постараемся преподавать ее согласно съ ученіемъ Аристотеля. Впрочемъ, будемъ остерегаться отъ всякаго мудрствованія, несогласнаго съ нашей религіей и православіемъ». Изъ приписки, сдѣланной въ учебникѣ, видно, что Лихуды предполагали прочитать физику сначала на латинскомъ языкѣ, а потомъ на греческомъ. Предположеніе это, однако, не осуществилось: изъ всей физики Лихуды успѣли прочитать (по-латыни) объясненія лишь на 2 первыя книги физики Аристотеля и 9 главъ третьей.

Толкованіе начинается вступленіемъ, въ которомъ говорится о предметѣ физики, объ отношеніи физики къ метафизикѣ и о раздѣленіи науки. Первая книга содержитъ въ себѣ критическое ученіе о началахъ вещей естественныхъ, именно объ аристотелевыхъ: матеріи, формѣ и лишеніи, и о стихіяхъ, какъ началахъ, по ученію древнихъ. Вторая книга трактуетъ о природѣ, искусствѣ и дѣйствіяхъ невольныхъ, о причинахъ: матеріальной, формальной, дѣйствующей и конечной. Въ третьей книгѣ говорится о движеніи, дѣйствіи и страданіи.

По плану изложенія, руководство по физикѣ напоминаетъ разобранный нами учебникъ логики. Авторъ сначала объясняетъ вопросы изъ аристотелевой физики, а затѣмъ, какъ и въ учебникѣ логики, даетъ мѣсто полемическому элементу. Разбирая древнихъ философовъ (Θалеса, Анаксагора, Демокрита, Эпикура) и позднѣйшихъ толкователей Аристотеля (Эригену, Кампанеллу, Аверроеса и др.), авторъ нерѣдко ссылается на Св. Писаніе. Этимъ оружіемъ онъ поражаетъ часто и самого Аристотеля.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о лекціяхъ Іоанникія

по физикѣ, мы позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ нихъ, именно—изъ главы «О началахъ».

«Кампанелла допускаетъ четыре начала вещей: теплоту, холодъ, сухость и влажность. Онъ учитъ, что Богъ вначалѣ сотворилъ нѣчто цѣлое несовершенное, или какую-то необразованную массу съ упомянутыми качествами, находившимися во взаимной борьбѣ. Теплота утончила и очистила эту массу, и, расширяя ее кругообразно, произвела небо. Холодъ, сжавъ грубую часть массы, образовалъ землю. Нѣкоторую часть массы взяла влажность и произвела воду; отъ разрѣшенія воды силою тепла произошли испаренія, и отъ сего образовался воздухъ. Противъ сего ученія, которое скорѣе представляется баснею поэтовъ, чѣмъ философскимъ мнѣніемъ, возстаютъ всѣ православные христіанскіе философы, которые, основываясь на Св. Писаніи, утверждаютъ, что небо и стихіи непосредственно сотворены Богомъ, да и самъ Кампанелла, составивъ умозаключеніе противъ Аристотеля, противорѣчитъ себѣ: Аристотель сказалъ, что изъ случайнаго не бываетъ сущности; а Кампанелла утверждаетъ, что четыре оныя качества случайны,—какую же они могутъ произвести сущность? Всѣ признаютъ, что первая матерія, и по своей природѣ и по могущественному распоряженію Творца, не могла существовать безъ формы. Въ началѣ міра Богъ сотворилъ не одну матерію, но соединилъ ее съ нѣкоторой формой; посему, когда у нѣкоторыхъ Св. отцовъ читаемъ, что Богъ въ началѣ міра сотворилъ нѣкоторую безформенную матерію, то, подъ именемъ сей матеріи, не должно разумѣть первой матеріи, лишенной всякой формы, но надобно разумѣть землю, не имѣвшую еще красоты свѣта, травъ и цвѣтовъ» ¹⁾).

¹⁾ „Истор. М. Ак.“, стр. 62—63.

Этимъ мы закончимъ обзоръ учебниковъ, написанныхъ Лихудами. Конечно, нельзя обвинять ученыхъ братьевъ въ томъ, что они преподавали науку по схоластическому методу. Виногато время, эпоха, все историческое наслѣдіе, полученное отъ предшествовавшихъ вѣковъ. Съ другой стороны, у Лихудовъ, какъ мы видѣли, мѣстами замѣчаются и попытки освободиться отъ схоластическихъ формъ. Они опускаютъ множество вопросовъ, которые составляли предметъ безплодныхъ споровъ въ средніе вѣка. Иногда они стараются примѣнить науку къ потребностямъ русской жизни. Въ этомъ отношеніи Московская Академія времени Лихудовъ значительно отличалась отъ Кіево-Могилянской, гдѣ схоластика царилъ въ полной силѣ.

Кромѣ учебниковъ, Лихуды и ихъ ученики имѣли въ своемъ распоряженіи академическую библіотеку. Мы знаемъ изъ «Привилегіи», что царь Θεодоръ Алексѣевичъ обѣщаль отдать Академіи царскую библіотеку. Смирновъ, однако, сомнѣвается, чтобы ученики Лихудовъ пользовались этой библіотекой. Несомнѣнно только, что для самихъ Лихудовъ доступъ въ нее былъ открытъ. Что же касается учениковъ, то имъ, съ 1689 года, была предоставлена Спасская библіотека, которая осталась послѣ Сим. Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева. По описи, составленной въ сентябрѣ того же 1689 года, въ Спасской библіотекѣ числилось 603 номера рукописей и книгъ на латинскомъ, греческомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Цифра для того времени довольно значительная. Большинство книгъ—духовнаго содержанія и притомъ на латинскомъ или польскомъ языкѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ описи упоминаются, между прочимъ, слѣд. книги: „Книга глаголемая Нуклеусъ Коппенкленіусъ, поученіе во весь годъ; книга животы святыхъ, твореніе Лазаря Барановича, на виршахъ; двѣ

Кромѣ этого, Лихуды привезли съ собой въ Москву массу книгъ, преимущественно богословскаго, философскаго и историческаго содержанія. Изъ ихъ полемическихъ сочиненій видно, что они имѣли подъ руками почти всѣхъ отцовъ и учителей церкви. Въ 1692 году, когда потребовались справки о происхожденіи Лихудовъ, они представили въ Посольскій Приказъ изъ своей библіотеки такія, напр., рѣдкія книги, какъ лѣтопись Зонары, Филиппа Кипрскаго, Іоанна Куропалата, Матвѣя Кипрскаго и др. ¹⁾.

книги Житія Святыхъ, отецъ печерскихъ, на полскомъ языкѣ, книга оеатрумъ круделитатумъ еретикорумъ; книга Цицверонъ; опера умнія; книга Тертуліанъ; книга лексиконъ латинской Цицерона; книга Калепинъ великій на одинадцати языкахъ; книга Трактатусъ де факта сцыенцыа етъ игноранцыа; книга Барониушъ; книга Хроника полская Матвѣя Стриковскаго; книга Бароніева на 1200 лѣтъ; книга письменная лѣтописательная о Кіевскомъ княжествѣ; Лексиконъ славено-латинскій; лексиконъ латино-словенскій; книга Лапонская; лексиконъ полскаго, славенскаго языковъ; книга посланіе Кикеронію; Лѣтописецъ всея земли—латинская; 10 книгъ синонимовъ; 18 книгъ греко-словенскихъ грамматикъ; 23 книги Алваровъ; книга вещей поселянскихъ; книга Тита Ливія Патавскаго о исторіяхъ—латинская; книга Второго Плинія исторій естественныхъ—латинская; посланіе Кикероново къ домашнимъ; трагедіи или плачевные стихи—латинская; книга разумъ суда Римскаго—латинская; книга Плаута комика—латинская; книга лексиконъ шестероязычный; алкоранъ Магометовъ на полскомъ языкѣ; книга нѣмецкая—германская; книга псалтирь Воложская“ и др. („Истор. М. Ак.“, стр. 42—43).

¹⁾ Въ письмѣ новгородскаго митр. Іова на имя кабинетъ-секретаря Макарова, отъ 14 апрѣля 1715 г., сдѣлана слѣдующая любопытная приписка о книгахъ лихудовской библіотеки. „Господинъ іеромонахъ Лихудевъ (Іоанникій), который у насъ въ Новѣградѣ въ домѣ обрѣтается всякаго чина дѣтемъ учителемъ, нынѣ при совершенной старости уже 80 лѣтъ, начатъ быти малодушенъ: книги, которыя у него, богословскія, философскія и исторіи древніи на разныхъ языкахъ, иныя отсылаетъ къ Москвѣ, а иныя отдаётъ пріѣзжающимъ грекамъ, иныя же здѣ продаетъ за малую цѣну: которыя (книги) зѣло-зѣло надобныя здѣ православно-россійстей

Школьные порядки, господствовавшіе въ Академіи при Лихудахъ, за недостаткомъ данныхъ, трудно воспроизвести во всей ихъ полнотѣ. Несомнѣнно, что, при многочисленности учащихся, въ Академіи практиковалась такъ называемая *Ланкастерская система* преподаванія (старшіе ученики руководили занятіями младшихъ). Такая система была тѣмъ болѣе необходимой, что «Привилегія», кромѣ преподаванія, возлагала на Лихудовъ еще обязанности церковно-общественнаго характера. Благодаря этому, ученые братья, при всемъ своемъ желаніи, не могли посвятить себя всецѣло Академіи. Въ книгѣ расходной денежной казны и въ записяхъ Патріаршаго Казеннаго Приказа, въ качествѣ помощниковъ Лихудовъ въ ихъ педагогической дѣятельности, упоминаются старосты: Алексѣй Кирилловъ, Ѳеодоръ Никитинъ, Максимъ Григорьевъ (Логиновъ) и Василій Ивановъ. Послѣдніе трое завѣдывали русской школой.

Иногда между учащимися устраивались примѣрные диспуты. Въ 1694 году патріархъ іерусалимскій писалъ, чтобы учениковъ, въ цѣляхъ лучшаго усвоенія ими діалектики, каждый воскресный и праздничный день заставляли вступать въ ученые споры между собой, и

церкви и для совершеннаго извѣщенія древне бывшихъ временъ, дѣйствъ и обхожденій всякихъ царскому самодержавному величеству, а возбранить азъ ему о семъ зазираюсь, опасаяся на себя слова. Благоволи пожаловать доложить до царскаго величества, дабы повелѣлъ мнѣ послать кого удобно и переписать оныя книги именно и до конца жизни его приказать мнѣ беречь накрѣпко, чтобы совершенно и вси достальныя у него книги не истратились и не изгибли туне весьма. Добре было бы, аще бы царское величество указомъ не повелѣлъ пущати мнѣ къ нему всякаго чина грековъ и другихъ иноземцевъ, кромѣ самыхъ высочайшихъ, знатныхъ и честнѣйшихъ особъ“. (Пекарскій, „Наука и литер. при Петрѣ Вел.“, т. I, стр. 218.)

чтобы патріархъ, или самъ или чрезъ довѣренныхъ лицъ, путемъ особаго испытанія, ежемѣсячно провѣрялъ успѣхи учениковъ ¹⁾).

Нерѣдко, по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, учащіеся собирались въ аудиторіи и слушали проповѣди или толкованіе библейской исторіи. Такъ, написанное Іоанникіемъ въ 1701 году поученіе въ недѣлю пятую Великаго поста «О предопредѣленіи» было произнесено на одномъ изъ подобныхъ собраній. Въ праздники Рождества и Пасхи ученики Академіи, вмѣстѣ со своими наставниками, ходили поздравлять патріарха, при чемъ старшіе изъ учениковъ произносили «орачіи» ²⁾. Пасхальныя и рождественскія «дачи», которыя ученики получали за свои визиты патріарху, служили значительнымъ подспорьемъ къ ихъ содержанію.

Въ записяхъ Патр. Каз. Приказа есть указаніе еще на одинъ любопытный обычай, существовавшій въ Академіи,—ходить на благословеніе къ патріарху съ именованнымъ пирогомъ. Обычай состоялъ въ томъ, что старшіе ученики Академіи пользовались своего рода правомъ, въ день своихъ именинъ, являться къ патріарху и подносить ему именованный пирогъ. Патріархъ обыкновенно благословлялъ именинника какой-нибудь иконой. Неизвѣстно, однако, насколько былъ распространенъ

¹⁾ Нужно имѣть въ виду, что диспуты, устраиваемые въ Академіи, далеко не всегда служили дѣйствительнымъ показателемъ развитія, находчивости и діалектическихъ способностей участниковъ. Дѣло въ томъ, что диспуты велись учениками всякій разъ по строго опредѣленному шаблону и сплошь и рядомъ представляли изъ себя не что иное, какъ простой пересказъ (въ лицахъ) заранее вызубренныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

²⁾ До насъ дошла одна изъ подобныхъ орацій, которой ученики Академіи привѣтствовали патріарха Адріана при его вступленіи на патріаршій престолъ. Она составлена довольно недурно. (Древ. Рос. Вивл., ч. VIII, стр. 357—360.)

этотъ обычай. Въ расходной книгѣ Патр. Каз. Приказа упоминается объ немъ всего лишь три раза.

Въ заключеніе скажемъ о матеріальныхъ средствахъ Академіи.

По плану царя Θεодора Алексѣевича, Академія должна была получать богатое содержаніе. Кромѣ царскаго жалованья, Привилегія предоставляла Академіи право пользоваться доходами съ семи монастырскихъ вотчинъ и съ нѣкоторыхъ царскихъ волостей. Не запрещалась и частная благотворительность на пищу и одежду ученикамъ. Проектъ Θεодора Алексѣевича, однако, остался неутвержденнымъ, благодаря чему Академія при Лихудахъ, съ матеріальной стороны, была обезпечена плохо. На содержаніе учениковъ Академіи, самаго академическаго зданія и на наемъ прислуги отпускались средства изъ суммъ Патр. Каз. Приказа, жалованье же самимъ Лихудамъ шло изъ Приказа Большой Казны.

На каждого ученика Академіи отпускалось по 4 деньги въ день. Старосты получали по 8 денегъ. Ученикамъ русской школы выдавалось съ патриаршаго двора содержаніе натурой—ежедневно по 4 хлѣба на всѣхъ. Кромѣ этого, ученики Академіи ежегодно получали отъ патриарха рождественскія и пасхальныя дачи. Размѣры этихъ дачъ были неодинаковы. На Рождество 1687 г., Пасху и Рождество 1689 и Рождество 1690 г. ученики получили: монахи по 2 руб., ученики верхней школы первой статьи по 1 руб., 2-й статьи—по полтинѣ, средней школы—по 8 алтынъ и 2 деньги, нижней—по 2 гривны; ученики русской школы, старшіе—по 6 денегъ, младшіе—по 4. На Пасху 1688 года дача была меньше. На этотъ разъ по два рубля получили лишь іеромонахъ Иларіонъ и монахъ Іовъ. Остальные монашествующіе и 2 старшихъ ученика получили по 1 руб., ученики

верхней школы, первой статьи—по полтинѣ, 2-й статьи—по 8 алтынъ и 2 деньги, ученики средней школы—по гривнѣ, нижней—по 10 денегъ; староста русской школы—1 руб., и на 100 учениковъ своей школы—2 руб. на всѣхъ 1). При патриархѣ Адрианѣ дача была значительно увеличена. На Рождество 1691, г. старшимъ ученикамъ Академіи было выдано: Петру Постникову 2 золотыхъ, Θεодору Поликарпову—золотой и ефимокъ, Алексѣю Кириллову и Николаю Семенову—по золотому, Θεодору Аггѣеву, Осипу Афанасьеву и Ивану Дмитріеву—по ефимку. На Пасху того же 1691 года получили: Петръ Постниковъ—3 золотыхъ, остальные 6 чело-вѣкъ—по ефимку 2). Неизвѣстно, получали-ли ученики дачи послѣ 1691 года: въ записяхъ Патр. Каз. Приказа нѣтъ указаній на это.

Что касается самихъ Лихудовъ, то они получали большее по тому времени жалованье. Правда, въ первое время по прїѣздѣ имъ выдавалось ежедневно только по 2 гривны, но съ переходомъ въ Чудовъ монастырь жалованье ихъ было увеличено до 15 алтынъ въ день (7 р. 65 к. на наши деньги). Кромѣ того, они получали изъ монастырскихъ доходовъ натурой «поденнаго корму противъ 4-хъ братій въ день». Этого, однако, Лихудамъ показалось недостаточно, и они, съ переходомъ въ Бого-явленскій монастырь, стали просить о прибавкѣ кормовыхъ. Сначала ихъ жалобу оставили безъ послѣдствій, но въ 1692 году «великіе государи велѣли давать Іоан-никію своего великихъ государей жалованья, поденнаго корму, октября съ двадесять перваго числа нынѣшняго 200 (1692) году... противъ прежней дачи по осьми алтынъ по 2 деньги въ день изъ Приказу Большія Казны» 3).

1) Дѣла Патр. Каз. Пр., № 127; Забѣл., „Матер.“, стр. 393.

2) Ibid., №№ 139 и 144; Забѣл., стр. 1045 и 1046.

3) Сменцовскій, стр. 84, со ссылкой на Греч. Дѣла Арх. М. Ин. Д.

Кромѣ жалованья и кормовыхъ денегъ, Лихуды въ Рождество и Пасху получали отъ патріарха «славленое», обыкновенно по 5 руб. Наконецъ, «великіе государи» иногда дѣлали имъ подарки. Такъ, въ декабрѣ 1688 года «великіе государи пожаловали Софронія Лихуда за его многіе въ божественномъ писаніи труды и за орацы на ихъ государскіе ангелы 13 аршинами байбереку московскаго дѣла» ¹⁾. Въ общемъ, Лихуды получали за свою ученую дѣятельность не меньше нынѣшнихъ ординарныхъ профессоровъ духовныхъ академій.

Содержаніе академич. зданія производилось на счетъ суммъ Патр. Каз. Приказа. Отсюда же выдавалось жалованье прислугѣ: повару—5 руб. въ годъ и 2 или 3 сторожамъ—по два съ полтиной ²⁾. Кромѣ того, они, такъ же какъ и ученики, ежегодно на Пасху и Рождество получали отъ патріарха «славленое», въ размѣрѣ 3—6 алтынъ ³⁾. Освѣщеніе на Академію выдавалось натурой ⁴⁾.

¹⁾ Дополн. къ Акт. ист., т. X, стр. 194; Смѣнц., стр. 85.

²⁾ Д. П. К. П., № 137; Забѣл., стр. 1187—1189.

³⁾ Забѣлинъ, стр. 393 и 1044.

⁴⁾ Д. П. К. П., № 118; Забѣл., стр. 1115.

IV. Академія при преемникахъ Лихудовъ (1694—1699).

Отставка Лихудовъ.—Ихъ преемники въ Академіи: Ѳедоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ-Головинъ и Чудовскій монахъ Іовъ.—Упадокъ Академіи.—Заключеніе.

Бр. Лихуды, при всемъ своемъ желаніи и усердіи, не успѣли выполнить всей академической программы. Во второй половинѣ 1694 г. они должны были оставить Академію (послѣ 7-лѣтняго учительства въ ней).

Какъ мы знаемъ, ученые братья явились въ Москву по вызову сторонниковъ греческой партіи и сами были горячими поборниками греческаго образованія. Приверженцы латинскаго ученія, стремившіеся забрать въ свои руки дѣло образованія, разумѣется, были недовольны вызовомъ Лихудовъ и встрѣтили открытіе Академіи крайне враждебно. Прежде, до открытія высшей школы, обѣ боровшіеся партіи обсуждали вопросъ о превосходствѣ греческаго или латинскаго образованія чисто теоретически, принципиально. Теперь, когда школа была уже открыта и организована по плану ревнителей греческаго образованія, борьба должна была перейти на почву практическую, теперь нужно было подвергать критической оцѣнкѣ результаты, къ какимъ привело изученіе греческаго языка, нужно было считаться съ фактами и вести борьбу противъ учителей и школы. На такую имен-

но почву и стали противники Лихудовъ. Въ своихъ полемическихъ произведеніяхъ они старались подорвать довѣріе русскаго общества къ школѣ и учебной дѣятельности Лихудовъ, проводя мысли о мнимой неуспѣшности учениковъ Академіи, о неспособности Лихудовъ къ педагогической дѣятельности и т. п. Не довольствуясь этимъ, недоброжелатели Лихудовъ постарались загрязнить и ихъ нравственную репутацію. Ученыхъ братьевъ стали обвинять въ неправославіи, въ гордости, въ презрительномъ отношеніи къ русскимъ, въ корыстолюбіи и даже въ шпионствѣ. И нельзя сказать, чтобы всѣ эти обвиненія являлись клеветой. Несомнѣнно, напр., что упрекъ въ корыстолюбіи имѣлъ за собой вѣсскія данныя. Особенно скомпроментировало Лихудовъ дѣло о наслѣдствѣ іеродіакона Мелетія. Въ качествѣ душеприкащиковъ Мелетія, они получили въ свое распоряженіе все его имущество, на сумму 4305 руб. 30 алтынъ 10 денегъ. (Около 75,000 руб. на наши деньги.) Но у Мелетія оказался кредиторъ, грекъ Юрій Юрьевъ, который и предъявилъ къ Лихудамъ искъ на довольно крупную сумму. Тѣ подали въ Патріаршій Разрядъ отзывъ, въ которомъ заявили, что они ничего не должны Юрію, такъ какъ Мелетій выплатилъ ему весь долгъ «при многихъ свидѣтеляхъ и письмо въ томъ есть». Однако, это «письмо» оказалось подложнымъ. Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ усилія Лихудовъ запутать дѣло, искъ, предъявленный къ нимъ Юріемъ на сумму 4257 руб. съ половиной, былъ признанъ правильнымъ. Въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ другое обвиненіе, будто Іоанникій занимался въ Венеціи торговыми спекуляціями на мелетіевы деньги. Поводомъ къ такому обвиненію послужило, съ одной стороны, данное Іоанникію княземъ Голицынымъ порученіе продать за границей какія-то вещи и ку-

пить парчи и красокъ, а съ другой—то обстоятельство, что Иоанникій пробылъ за границей на 2 года больше, чѣмъ сколько требовалось возложенной на него миссіей.

Къ этимъ фактамъ, сильно компрометировавшимъ нравственную репутацію Лихудовъ, присоединились новыя обстоятельства, которыя послужили ближайшимъ поводомъ къ ихъ отставкѣ. То были—неудовольствіе на нихъ іерус. патр. Досиеея и предосудительное поведеніе старшаго сына Иоанникія, Николая. Неудовольствіе патр. Досиеея возникло въ силу того, что Лихуды оказывали недружелюбный приемъ своимъ соотечественникамъ, которые, пріѣзжая въ Москву за сборомъ подаяній, обращались къ нимъ за содѣйствіемъ. Узнавши объ этомъ отъ своего племянника Хрисанфа (бывшаго въ Москвѣ), Досиеей 15 іюля 1693 г. обратился къ Лихудамъ съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ поставилъ имъ на видъ цѣлый рядъ проступковъ: занятіе торговлей на мелетіевы деньги, ихъ якобы лживое заявленіе московскому правительству о своемъ княжескомъ происхожденіи, преподаваніе въ Академіи латинскаго языка, дурной приемъ, оказанный ими въ Москвѣ Хрисанфу, покровительство нѣкоему епископу Акакію, «мужу святокрадцу» и т. п. ¹⁾ Не довольствуясь этимъ, Досиеей 10 августа того же года отправилъ грамоты и московскому патріарху Адріану и царямъ. Въ грамотахъ іерусалимскій патріархъ къ перечисленнымъ обвиненіямъ прибавилъ еще то, что Лихуды, вмѣсто изученія грамматики и «свободныхъ ученій», «забавляются около физики и философіи» и что слишкомъ гордо обращаются съ пріѣзжими греками и даютъ о нихъ несправедливыя отзывы московскимъ властямъ.

¹⁾ Письмо напечат. въ прилож. къ Ист. Моск. Ак., № 3, стр. 406—408.

Нужно, однако, замѣтить, что большинство обвиненій, выставленныхъ Досиеемъ противъ Лихудовъ, не имѣло подъ собой реальной почвы. Если что въ нихъ и заслуживало довѣрія, то это упрекъ въ корыстолюбіи, отъ котораго Лихуды, повидимому, были не свободны. Справедливо также обвиненіе ихъ въ томъ, что они, «безъ страха Божія, противно правиламъ», приняли подъ свою защиту епископа Акакія, или Арсенія, челоувѣка съ крайне сомнительнымъ прошлымъ ¹⁾).

Возможно, что, несмотря на всѣ обвиненія и нападки враговъ, Лихуды еще нѣсколько времени продержались бы въ Академіи, если бы въ 1694 году не случилось происшествія, которое окончательно погубило ихъ репутацію и даже заставило ихъ тайно бѣжать изъ Москвы. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Сынъ Іоанникія, Николай, вступилъ въ любовную связь съ дочерью за дворнаго конюха, Маріей Селифонтовой. Онъ увезъ ее изъ родительскаго дома и, переодѣвъ въ мужское платье, скрывалъ нѣкоторое время въ академическомъ зданіи, а потомъ нанялъ ей отдѣльную квартиру. Скоро, однако, Марія стала тяготиться своимъ положеніемъ и извѣстила о себѣ своего отца. Отецъ, съ помощью стрѣльцовъ, осво-

1) По словамъ патр. Досиеея и Хрисанфа, Акакій, когда еще былъ іерусалимскимъ діакономъ, обокралъ патріаршаго брата, старца Каллиста, и бѣжалъ въ Венецію. Здѣсь, путемъ различныхъ мошенническихъ комбинацій, онъ сдѣлался настоятелемъ нѣсколькихъ монастырей и даже былъ рукоположенъ въ санъ епископа. Досиеей, узнавши объ этомъ, лишилъ его епископскаго сана. Акакій, однако этимъ не смутился, присвоилъ себѣ титулъ митрополита Іоискаго и отправился въ Вѣну, гдѣ будто бы принялъ латинство. Обличенный въ сожительство съ „нѣкоею блудницею“, онъ удалился отсюда въ Венгрію, а потомъ, 18 марта 1693 года, появился и въ Москвѣ. Здѣсь, благодаря ходатайству Лихудовъ, онъ пользовался обычнымъ для архіереевъ-просителей содержаніемъ, несмотря на разоблаченія патр. Досиеея.

бодилъ ее. Когда Марія рассказала въ Разрядѣ свою исторію, то отсюда послали въ школу подъячаго съ отрядомъ стрѣльцовъ взять Николая и привести для допроса. Но Лихуды, съ помощью своихъ учениковъ, отбили у стрѣльцовъ арестованнаго Николая, избили ихъ и выгнали изъ школы. Этотъ инцидентъ, разумѣется, угрожалъ Лихудамъ большими непріятностями. Спасаясь отъ наказанія, они, вмѣстѣ съ Николаемъ и Анастасомъ (дѣтми Іоанникія), бѣжали изъ Москвы, но недалеко отъ Можайска были пойманы и привезены обратно. Послѣ этой скандальной исторіи Лихуды не могли уже оставаться въ Академіи. Впрочемъ, патр. Адріанъ не захотѣлъ примѣнять къ нимъ слишкомъ строгихъ мѣръ, — онъ ограничился лишь тѣмъ, что перевелъ ихъ въ типографію. Несомнѣнно, московское правительство признавало, какъ полезна дѣятельность Лихудовъ для русскаго просвѣщенія, и потому желало удержать ихъ въ Москвѣ.

Съ удаленіемъ Лихудовъ изъ Академіи снова возникъ вопросъ о пріисканіи подходящаго учителя для высшей школы. Архимандритъ Хрисанфъ, въ письмѣ къ патріарху Адріану отъ 20 мая 1694 г., настаивая на удаленіи Лихудовъ, обѣщаль, взамѣнъ ихъ, прислать съ Востока другихъ учителей. Въ то время хотѣли печатать въ Москвѣ греческія и латинскія азбуки, и Хрисанфъ предлагаль прислать патріарху справщика, который могъ бы быть и учителемъ. «Да благоволитъ Ваше Святѣйшество, — писалъ онъ, — прислати ко мнѣ писаніе, а по тому писанію пришлется отъ насъ не мѣшкавъ челоувѣкъ искусный и довольно испытанный во всемъ и въ наукахъ совершенный, и дондеже книги будутъ исправлятися и печататися, той же челоувѣкъ и первымъ ученикомъ можетъ удобно и философію показати, и единъ челоувѣкъ, и во едино время и за единымъ жалованьемъ,

и книги справятся и ученики совершенны въ наукахъ будутъ, и впредь отъ иноземцевъ ничего не востребуете. А дондеже пришлется отъ насъ таковой человекъ, можетъ учить послѣднихъ учениковъ (т.-е. вновь поступающихъ) Николай (Семеновъ) и Θεодоръ (Поликарповъ) до философіи» ¹⁾. Патр. Адрианъ, въ ожиданіи учителя съ Востока, дѣйствительно, поручилъ преподаваніе въ Академіи бывшимъ ученикамъ Лихудовъ: Николаю Семенову Головину и Θεодору Поликарпову. Время, однако, шло, а обѣщаннаго учителя не было. Патриархъ не разъ обращался къ Досиею и Хрисанфу съ напоминаніемъ, чтобы они исполнили, наконецъ, данное ими обѣщаніе, при чемъ указывалъ даже лицо, которое ему желательно было бы видѣть преподавателемъ Академіи, именно—врача и ритора Іоанна Комнина. Но ни Комнинъ и никакой другой учитель въ Москву не являлись. Въ своихъ письмахъ московскому правительству арх. Хрисанфъ и патр. Досиеей ограничивались тѣмъ, что неоднократно подтверждали свое обѣщаніе о присылкѣ учителя, рекомендуя до поры, до времени довѣриться педагогической опытности тѣхъ лицъ, которыя замѣнили въ Академіи Лихудовъ. «И еще молю,—писалъ Хрисанфъ 24 октября 1694 г.,—чтобы школа не праздна была, но чтобы преждереченніи ученицы (Николай и Θεодоръ) ученіе давали, сколько сами пріяли. И доволенъ есть рабъ вашъ Николай таковое дѣло управлять. Дай Боже и другимъ толико научиться, елико словесность его знаетъ. И аще о оныхъ учителѣхъ сомнѣвается, благоволите спросить Николая Спафарія, яко ученаго человека и правдиваго» ²⁾. Мало утѣшительнаго

¹⁾ „Ист. Моск. Ак.“, стр. 36—37, пр. 52.

²⁾ Ibid., стр. 36—37, пр. 52.

было и въ письмахъ патр. Досиеея. Онъ обѣщалъ, не присылалъ «труднаго ради времени» (по случаю войны между Турціей и Австріей). Такъ, въ 1696 г. Досиеей отписывался: «учителя и справщика не посылаемъ доннынѣ, ибо теперь такое время, что не только писать къ вамъ или послать человѣка, но даже имя ваше произнести значитъ заслужить смертную казнь»¹⁾. Въ 1698 г. Досиеей на новыя просьбы изъ Москвы отвѣтилъ тѣмъ же, т.-е. что надо переждать опасное время. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ рекомендовалъ патр. Адриану родоскаго грека Панагіота и іеромонаха Діонисія, который учился въ Венеціи, Падуѣ, Римѣ, Англии и Голландіи, отлично зналъ греческій и латинскій языки, филозофію и богословіе и дожидался лишь рекомендательной грамоты изъ Константинополя. Но ни Панагіотъ, ни Діонисій въ Москву не явились. Однимъ словомъ, послѣ Лихудовъ учителей съ Востока въ Москвѣ болѣе не было.

Предоставленная самой себѣ, Московская Академія влачила жалкое существованіе. Николай Семеновъ и Ѳеодоръ Поликарповъ ни по образованію, ни по педагогической опытности не могли замѣнить для Академіи своихъ знаменитыхъ предшественниковъ. Характерно, что въ записяхъ Патр. Каз. Приказа они даже называются школьниками, а не учителями²⁾. Кругъ наукъ академическаго курса при нихъ былъ значительно сокращенъ. Н. Семеновъ и Ѳ. Поликарповъ должны были ограничить свое преподаваніе тѣмъ, «сколько сами пріяли», т.-е. грамматикой, пѣтикой и риторикой. Разумѣется, всѣ эти науки читались по учебникамъ, составленнымъ Лихудами. Латинскій языкъ, по настоянію

¹⁾ Ibid., стр. 38.

²⁾ Забѣлинъ, „Матер.“, стр. 1047, 1072.

патріарха іерусалимскаго, былъ совершенно изгнанъ изъ Академіи. Философія и богословіе не преподавались потому, что сами учителя не успѣли прослушать у Лихудовъ этихъ наукъ. Сознавая свою неподготовленность и неспособность къ педагогической дѣятельности, Н. Семеновъ и Ѳ. Поликарповъ послѣ пятилѣтняго учительства, по собственному желанію, оставили Академію и поступили въ число типографскихъ справщиковъ (1699 г.). Ихъ мѣсто занялъ ученикъ же Лихудовъ, чудовскій монахъ Іовъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за какую-то провинность онъ былъ сосланъ въ Новоспасскій монастырь. Въ 1700 году во главѣ Академіи сталъ первый русскій докторъ, ранѣе тоже учившійся у Лихудовъ, Палладій Роговскій. Съ него начинается уже новый періодъ въ исторіи Академіи.

Отсутствіе опытныхъ наставниковъ и сокращеніе предметовъ преподаванія, какъ уже сказано, весьма неблагоприятно отразились на Академіи. Знанія, приобретаемые въ ней учениками, были до того неудовлетворительны, что въ 1698 году Петръ Великій предложилъ патріарху Адриану посылать молодыхъ людей для образованія въ Кіевскую Академію. «Есть у насъ, — говорилъ онъ, — и своя школа, да мало въ ней пользы по недостатку должнаго надзора. Надобно бы поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ и снабдить какъ учителей, такъ и учащихся всѣми необходимыми для поощренія ихъ къ занятію науками» ¹⁾. Митрополитъ Стефанъ Яворскій, назначенный въ 1701 году протекторомъ Академіи, напелъ ее въ крайнемъ упадкѣ. Ученики (150 человѣкъ) терпѣли во всемъ страшную нужду, и не могли посѣщать классовъ, потому что въ нихъ потолоки и печи обвали-

¹⁾ Устряловъ, „Исторія царств. Петра Вел.“, т. III, стр. 356.

лись. Первый протекторъ сумѣлъ поднять Академію какъ съ внѣшней, матеріальной, стороны, такъ и со стороны внутренней, учебной. Но это была уже совершенно иная школа, не имѣвшая никакого сходства со Славяно-еллинской Академіей Лихудовъ.

Этимъ мы закончимъ свой очеркъ.

На первый взглядъ кажется нѣсколько страннымъ, что дѣло высшаго образованія, такъ прекрасно поставленное Лихудами, съ ихъ уходомъ не только не получило дальнѣйшаго развитія, но очень скоро почти совершенно заглохло. Кажется страннымъ и то, что такіе полезные и образованные дѣятели, какъ Лихуды, не могли ужиться въ Москвѣ и оставили дѣло, для котораго собственно и были вызваны съ Востока. Конечно, въ данномъ случаѣ имѣли значеніе и тѣ чисто внѣшнія причины, о которыхъ мы говорили, но гораздо важнѣе ихъ были причины принципиальныя. Необходимо имѣть въ виду, что Лихуды были консерваторами по своему направленію. Защищая старину, они пошли противъ новыхъ вѣяній, вступили въ борьбу съ тогдашними прогрессистами въ то время, когда реформа «сильно стучалась въ двери», когда «уже народился Преобразователь». Правда, пока «молодой орелъ» еще не расправилъ своихъ крыльевъ, могущественная партія старины восторжествовала надъ представителями новаго просвѣтительнаго теченія. Но торжество это оказалось непродолжительнымъ. Скоро настала пора дѣйствовать защитникамъ новыхъ началъ жизни и образованія, и партія старины должна была уступить имъ мѣсто. Разумѣется, и Лихуды должны были сойти со сцены.

Такимъ образомъ, неудовольствіе на Лихудовъ патр. Досиоея и пр. только ускорило ихъ паденіе. Рано или

поздно имъ все равно пришлось бы оставить Академію, такъ какъ нельзя было итти наперекоръ духу времени.

Съ уходомъ Лихудовъ и образовательная система, которую они защищали, конечно, не нашла уже поддержки въ людяхъ новаго направленія. Предоставленная самой себѣ, еллинская Академія еще нѣсколько времени влачила свое жалкое существованіе, пока, наконецъ, Петръ Великій, 7 іюня 1701 года, не издалъ указа «завестъ въ Академіи ученія латинскія».

Библиографія. „*Историч. извѣстіе о Моск. Акад., сочиненное въ 1726 году отъ справщика Ѳ. Поликарпова*“ (Древн. Росс. Вивліоекка, 2-е изд., т. XVI, стр. 295—306). *Академическая Привилегія* (Древн. Росс. Вивл., т. VI, стр. 390—420; Амвросій, „Исторія рос. іерархіи“, М. 1807 г., ч. I, стр. 515—543). „*Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный*“... Разсужденіе неизвѣстнаго автора о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ; напечатано въ прилож. къ статьѣ Каптерева: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ 17 ст.“ (Приб. къ тв. св. от., 1889 г., ч. 44, стр. 672—679). „*Учитися ли намъ полезнѣе грамматики*“... Разсужденіе неизв. автора, аналогичное съ предыдущимъ; напечатано въ прилож. къ изслѣдованію Сменцовскаго: „Братья Лихуды“, Спб., 1899 г. *Письмо іерус. патр. Досиея къ дяку Полянскому*, напечатано въ Правосл. Собесѣдн., 1862 г., ч. 3, стр. 88—89. *Родословная Лихудовъ*, представленная Николаемъ и Анастасіемъ Лихудами въ Посольскій Приказъ; напечатана въ прилож. къ изслѣдованію Сменцовскаго: „Братья Лихуды“.¹⁾ *Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы*“ *Забѣлки*. „*О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*“ *Гр. Котошичина*. „*Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ*“. Соловьевъ, „Исторія Россіи“. *Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“. *Платоновъ*, „Лекціи по русской исторіи“. *Иловайскій*, „Исторія Россіи“. *Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры“. *Пытинъ*, „Исторія русской литературы“. *Порфирьевъ*, „Исторія русской словесности“. *Макарій*, „Исторія русской церкви“. *Филаретъ*, „Обзоръ рус. дух. литературы“. *Пекарскій*, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“. *Устряловъ*, „Исторія царствованія Петра Вел.“ *Майковъ*, „Очерки изъ русской исторіи литературы 17—18 ст.“ *Замысловскій*, „Царствованіе Ѳедора Алексѣевича“. *Ключевскій*, „Западное вліяніе въ

Россіи въ XVII в.“ (Вопр. филос. и психол., 1897 г., I, III и IV). *Костомаровъ*, „Епиф. Славинецкій, Сим. Полоцкій и ихъ преемники“ (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣят., т. II). *Татарскій*, „Симеонъ Полоцкій“. *Образцовъ*, „Кіевскіе ученые въ Москвѣ“ (Эпоха, 1865, I). *Его же*, „Братья Лихуды“ (Ж. М. Н. П., 1867). *Каптеревъ*, „Характ. отнош. Россіи къ правосл. Востоку“. *Его же*, „Патр. Никонъ и его противники въ дѣлѣ реформы“, *Его же*, „Патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“. *Его же*, „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ 17 ст. до открытія Славяно-греко-латинской академіи“ (Приб. къ тв. св. от., 1889, ч. 44). *Его же*, „Сношенія іерусалимскаго патр. Досіея съ русскимъ правительствомъ“. *Владимирскій-Будановъ*, „Государство и народное образованіе въ Россіи въ 17 в.“ (Ж. М. Н. П., 1873, X.) *Соболевскій*, „Образованность Моск. Руси 15—17 ст.“ (Отчетъ Пб. ун. 1891). *Любимовъ*, „Борьба между представителями великорускаго и малорускаго направленія въ концѣ 17 и нач. 18 в.“ (Ж. М. Н. П., 1875, 8—9). *А. Горскій*, „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ 17 стол.“ (Приб. къ тв. св. от., 1845, ч. III). *Мирковичъ*, „О школахъ и просвѣщеніи въ патр. періодъ“ (Ж. М. Н. П., 1878, ч. 198). *Забѣлинъ*, „Первое водвореніе въ Москвѣ греко-лат. науки“ (Чтен. въ общ. истор. и древ., 1886, IV). *Сменцовскій*, „Бр. Лихуды“. *Смѣловскій*, „Братья Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школахъ“. (Ж. М. Н. П., 1845, т. 45.) *Н. Б—въ*, „Лихуды“ (статья энцикл. слов., Брокгаузъ-Ефрон.) *Смирновъ*, „Исторія Московской славяно-греко-лат. академіи“, М. 1855. *Лавровскій*. „О древне-русскихъ училищахъ“, Хар. 1854. *Рудневъ*, „О воспитаніи въ Россіи въ XVI и XVII вв.“ (Библ. для чт., 1855, № 8.) *Мордовцевъ*. „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“ (Чт. общ. ист. и др. 1861, IV). *Прилежаевъ*, „Школьное дѣло въ Россіи до Петра Вел.“ (Странникъ, 1891, I). *Бѣлокурова*, „Адамъ Олеарій о греко-лат. школахъ Арсенія Грека“, М. 1888. *Брайловскій*, „Очеркъ изъ исторіи просвѣщ. Моск. Руси XVII в.“ М. 1890. *Шляпкинъ*, „Св. Димитрій Ростовскій и его время“ (Зап. ист.-фил. фак. Пб. ун., ч. XXIV). *Эйтморъ*, „Къ исторіи просвѣщенія на Руси XVII в.“ (Чт. общ. ист. и др., 1891). *Пеньницкій*, „Е. Славинецкій“ (Труды К. Д. А., 1861, 2—3 кн.). *Галкинъ*, „О причинахъ происхожд. раскола въ русск. церкви“. Хар. 1910.